

Анна, Ханна и Юханна

Автор:

Мариан Фредрикссон

Анна, Ханна и Юханна

Мариан Фредрикссон

Ханна, Юханна и Анна, три поколения дочерей суровой северной страны. Их нрав подобен водам озера близ родовой усадьбы при старой мельнице на шведско-норвежской границе. Эмоциональная умеренность граничит с холодностью. Супружеская верность и чадолюбие уживаются с неспособностью найти общий язык с самыми близкими. Однако трудно отыскать столь разных женщин одной семьи. Приземленность Ханны, порожденная голодным детством, восприимчивость и необычайный дар воображения Юханны, стремление к корням и независимость Анны... Да, они разные, но проблемы, с которыми они сталкиваются в жизни, на удивление похожи и становятся почти роковыми.

Мариан Фредрикссон

Анна, Ханна и Юханна

© Marianne Fredriksson, 1994 Published by agreement with Nordin Agency AB and OKNO Literary Agency, Sweden

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Грехи отцов падают на детей до третьего и четвертого колена. Это мы читали еще в школе – во всяком случае, те, кто вообще открывал Библию. Я хочу сказать, что такая ответственность должна представляться нам несправедливой, примитивной и смехотворной. Мы же слышали и о том, что первые поколения отвечают лишь за то, чтобы довести людей до совершеннолетия, после чего те берут судьбу в свои руки.

Так, понемногу, по мере роста знаний о социальном и психологическом наследии, слова Библии стали нам в тягость. Мы унаследовали образцы поведения и наборы реакций в куда большей степени, чем можем себе представить. Было нелегко принять и смириться с тем, что столь многое забылось и исчезло в подсознании, когда наши праотцы и праматери покинули хутора и селения, где веками жили их предки.

Библия молчит о грехах матерей, несмотря на то что их грехи были куда важнее, чем грехи отцов. Цепочка древних образов снова и снова протягивалась от матерей к дочерям, а потом к их дочерям и к дочерям их дочерей...

Может быть, здесь кроется объяснение тому, что женщинам трудно постоять за себя, пользуясь равноправием, предоставленным им обществом.

Я должна от всей души поблагодарить Лисбет Андреассон, которая любезно отредактировала книгу о Ханне с точки зрения специалиста по истории культуры, снабжала меня литературой о Дальсланде и – последнее, но очень важное – перевела некоторые реплики с литературного шведского на дальсландский диалект. Кроме того, хочу выразить мою признательность также и Андерсу Седербергу, за его критику, живое участие и воодушевляющую помощь в подготовке проекта книги. Большое спасибо также моим друзьям Сиву

и Джонни Ханссон, которых я дергала всякий раз, когда у меня зависал новый компьютер. А случилось это не один раз.

И, конечно, я хочу поблагодарить моего мужа за то, что он все это выдержал!

И еще одно, последнее замечание. В моей книге нет ничего автобиографического. Анна, Ханна и Юханна нисколько не похожи на меня, мою мать и мою бабушку. Образы Анны, Ханны и Юханны порождены моей фантазией и не имеют ничего общего с реальными людьми. Именно это и делает их такими живыми. Во всяком случае, для меня. И надеюсь, что и для вас, читатель. Может быть, вы задумаетесь о том, какой была ваша бабушка и как ее образ придал форму вашей жизни.

Анна. Пролог

Ей казалось, что стоит ясный зимний день, тихий, светлый – такие дни бывают, когда только что выпадает снег. Раздался резкий, трескучий звук – словно разбился упавший на пол стакан. Звук испугал ее. Как будто кто-то плакал возле кровати, прячась в белизне.

Она часто слышала плач.

Память она утратила четыре года назад. Потом, через несколько месяцев, пропала и речь. Она, правда, видела и слышала, но и люди, и вещи, потеряв имена, лишились и смысла.

Она навеки отбыла в блаженную белую страну, где нет времени. Она не знала ни где стоит ее кровать, ни сколько ей самой лет. Но она, как ребенок, отыскала новый способ поведения, научилась пробуждать милосердие смиренной, покорной улыбкой. Как ребенок, открылась она чувствам, которые помимо слов вибрируют в отношениях людей.

Самой ей было давно ясно, что она должна, обязана умереть. Это было твердое знание, а не мысль.

Были у нее и крепко державшие ее здесь родственники.

Муж приходил к ней каждый день. Встречи с ним проходили в безмолвии. Ему было за девяносто, и он сам уже стоял у роковой черты, но не хотел умирать и не желал знать о смерти. Он всегда твердо контролировал свою и ее жизнь и теперь вел тяжкую борьбу с неотвратимостью. Муж массировал ей спину, сгибал и разгибал колени и громко вслух читал утренние газеты. Она не возражала. Позади у них была долгая и сложная совместная жизнь – они и раньше без слов понимали друг друга.

Тяжелее всего ей было, когда приходила дочь, та, которая теперь жила в другом городе и которой прежде то нехватка времени, то дальнейшее расстояние мешали ездить в гости к старухе. Еще бы, ей приходилось вставать ни свет ни заря, заводить машину и ехать бог знает куда за рулем, теща себя вздорными, нелепыми надеждами.

Анна понимала, что это не более чем абсолютно детский каприз, но, выходя на улицу, продолжала лелеять ту же мысль: вот еще один раз – и она получит ответ на вопрос, который так и не успела задать. Но, проведя за рулем пять утомительных часов и въезжая на парковку госпиталя, она вдруг отчетливо осознала, что мать и сегодня снова, в который уже раз, не узнает ее.

И все-таки, все-таки она должна задать свои вопросы.

«Я делаю это ради себя. Ведь я же говорю о маминой доле».

Но ее снова ждала неудача. Юханна не поняла ни слова, но осознала муки дочери и собственную беспомощность. Она помнила, что ее долг утешать ребенка, вечно задающего нелепые вопросы. Но требование запоздало, да и сил на это уже не оставалось.

Ей захотелось уйти, спрятаться в тишину, и она закрыла глаза. Но это не помогло, сердце продолжало бешено стучать, а сквозь веки просвечивало что-то красное и болезненное. Она заплакала. Анна попыталась утешить мать, вытерла струившиеся по старческой щеке слезы, потрепала ее по подбородку: «Ну, ну, ну же».

Но отчаяние не проходило, и Анна, испугавшись, нажала кнопку звонка. Она не успела пожалеть об этом, когда в дверях палаты появилась светловолосая девушка. Глаза светились молодостью, но одновременно были глубоки и задумчивы. Голубизна глаз не могла скрыть легкого презрения, и Анна в мгновение ока увидела себя со стороны: стареющая баба, перепуганная и толстая, рядом с древней старухой. Господи, ну и видок!

– Ну, ну, – произнесла девушка твердым уверенным голосом и так же уверенно провела рукой по волосам Юханна. Удивительно, но у девушки получилось. Юханна уснула так внезапно, что Анна даже не поверила своим глазам. – Мы не разрешаем волновать наших пациентов, – сказала девушка. – Теперь немного посидите тихо. Через десять минут мы придем, чтобы поменять простыни и помыть пациентку.

Пристыженная Анна, как побитая собака, крадучись, прошла через общий зал на террасу, порылась в сумке, извлекла пачку сигарет и закурила, глубоко затянувшись горьким дымом. Это немного успокоило и прояснило голову. Сначала явились злые мысли: какая дерзкая чертовка, твердая как камень. Красивая, всезнающая и до омерзения молодая. Может быть, мама подчинилась из страха, может быть, вся дисциплина держится на нем – на страхе беспомощных стариков перед сестрами?

Потом Анна ощутила что-то вроде угрызений совести. Эта девушка просто хорошо выполняет свою работу, делает то, что, согласно всем законам природы, должна была делать она, Анна, будь у нее для этого время и место.

Лишь в последнюю очередь пришло озарение: мама разволновалась от ее вопросов.

Она затушила сигарету о дно ржавой консервной банки, стоявшей на столе, словно неохотная уступка надоедливому курильщикам. Господи, как же она устала! «Мама, милая, чудесная мама, почему у тебя не хватает милосердия умереть?»

Испугавшись собственной мысли, Анна бросила торопливый взгляд на больничный парк, где воздух был напоен ароматом цветущих кленов. Она сделала глубокий вдох, втянув этот аромат, словно надеясь найти утешение в весеннем запахе. Но никакой бодрости не ощутила. «Я сама как мертвая», –

подумалось ей. Она резко повернулась на каблуках и решительно направилась к двери сестринского отделения. Постучав, Анна подумала: пусть сегодня будет Мерта.

Мерта действительно была на месте. Собственно, только ее единственную Анна здесь знала. Они сердечно, точно старые подруги, поздоровались. Анна уселась на стул для посетителей и, приготовившись спрашивать, вдруг запнулась, охваченная неожиданно нахлынувшими чувствами.

– Я не буду плакать, – сказала она, хотя слезы уже катились по щекам.

– Это нелегко, – вздохнула медсестра, склонившись над упаковкой с бумажными носовыми платками.

– Я хочу знать, насколько хорошо она понимает то, что происходит вокруг нее, – сказала Анна и заговорила о своих надеждах быть узнанной и о вопросах, которые упрямо задавала матери, хотя та и ничего не понимала.

Мерта слушала, не выказывая ни малейшего удивления.

– Я думаю, что старики что-то понимают, но нам трудно себе представить, каково их восприятие. Они как новорожденные. У тебя самой двое детей, и ты знаешь, что они на все реагируют либо беспокойством, либо радостью, – ты же хорошо это помнишь?

Нет, этого Анна не помнила, она помнила только свои ошеломляющие чувства от ласковых объятий и ощущение того, что ее счастье не помещалось ни в какие рамки. Но она поняла, о чем говорила ей медсестра – у нее было двое внуков, которые многому ее научили.

Потом Мерта, осторожно подбирая выражения, заговорила об общем состоянии стариков. Когда они укладываются в постель, найдя наконец тихую гавань, от них отступают телесные хвори и недуги.

– Но по ночам она иногда становится беспокойной, – продолжала медсестра. – Такое впечатление, что ее мучают страшные сны. Она просыпается и громко кричит.

- Сны?..

- Да, совершенно ясно, что это сновидения. Они все видят сны. Беда, правда, в том, что мы никогда не знаем, что снится нашим пациентам.

Анна вспомнила свою домашнюю кошку, красивое животное, которое временами, пробуждаясь ото сна, принималась царапаться и шипеть. Она устыдилась своей мысли, но Мерта не заметила ее смущения.

- Учитывая общее тяжелое состояние Юханны, мы не хотим давать ей успокоительные лекарства. Я даже думаю, что ей нужны эти сновидения.

- Нужны?..

Сестра Мерта не обратила внимания на удивление, прозвучавшее в неоконченной фразе Анны, и продолжила:

- Мы хотим перевести ее в отдельную палату. Сейчас она уже стала доставлять неудобства остальным пациенткам.

- В отдельную палату? Это возможно?

- Мы ждем, когда уйдет Эмиль из седьмой палаты, - ответила медсестра и опустила глаза.

Только отъехав от стоянки больницы, дочь Юханны поняла смысл слов, сказанных об Эмиле, старом пасторе-баптисте, чьи проповеди Анна слушала много лет. Сегодня она не задумалась о том, почему в его палате так тихо. Много лет слушала она его песни о жизни в тени смерти и о Господе, ожидающем нас на Страшном суде.

Тайная, сокровенная жизнь Юханны была строго расписана по часам. Начинаясь она в третьем часу ночи и заканчивалась с рассветом, в пять часов.

Эта жизнь была насыщена образами, цветами, запахами и голосами. Слышала она и другие звуки. Шумели речные пороги, ветер пел свою нескончаемую песнь

в листве кленов, а лес радовался птичьим трелям.

Сегодня ночью все ее образы дрожали от напряжения. Сейчас лето, солнце встает рано, и в его косых лучах деревья отбрасывают длинные тени.

– Черт возьми, ума у тебя нет! – кричит удивительно знакомый голос. Это отец. Он злится, лицо его побагровело, и Юханне становится страшно. Она протягивает руки, бьет отца по ноге, он наклоняется, поднимает ее над головой и говорит: – Не верь ему, девочка.

Старший брат стоит здесь же, в комнате. Как он красив в куртке с блестящими пуговицами и в высоких сапогах. Он тоже кричит:

– Вам надо схорониться в пещере, всем, и тем тоже! Уже завтра они могут быть здесь!

Раздается еще один голос, спокойный и рассудительный:

– Послушай меня, парень. Неужели нас застрелят Аксель и Уле из Мосса и сынишка Астрид из Фредриксхалла?

– Убежден в этом.

– Я думаю, что ты спятил, – произносит тот же голос, но без прежней уверенности.

Отец в упор смотрит на солдата, взгляды их скрещиваются, как сабли, и старик отворачивается, не выдерживая серьезного взгляда юных глаз.

– Поступай как знаешь.

Картины становятся живее, звуки громче. Раздается топот ног, несут что-то тяжелое. Кто-то опустошает погреб. Выносят бочки с солониной, селедкой, ларь с картошкой, горшки с моршкой, кадки с маслом, сухари – все поднимают по лестнице и переносят вниз, в лодку. Мешки, набитые одеялами и одеждой, – все, что было в доме, перенесли по крутому склону к озеру. Она видит, как ее братья

гребут тяжелыми веслами – с усилием вперед, легко назад.

– Керосиновые лампы! – кричит мать, бегущая в дом.

Но солдат останавливает ее и кричит:

– Лампы я уже вынес!

Ребенок смотрит на происходящее расширенными от страха глазами. Но кто-то сует ей в руку леденец.

* * *

Картина снова меняется, день клонится к вечеру. Она сидит у отца на плечах, и он несет ее, как часто делал это по вечерам, вверх по склону, к горному озеру. Все вокруг выглядит таинственным и неотвратимым, совсем не таким, каким должно выглядеть озеро с его светом и синим сиянием. Больше всего тишину темного озера нарушают мельницы, расположенные выше, и гребцам приходится напрягать все силы, чтобы не врезаться в плотину.

Отец, как и каждый вечер, внимательно рассматривает шлюз.

– Северное течение, – говорит он, и она слышит, какой подавленный у него голос. – Запомни, Юханна, вода, дающая нам хлеб, течет из Норвегии. Вода, – говорит он, – умнее людей, она плюет на границы.

Он сильно зол. Но Юханне нечего бояться, пока она сидит у него на плечах.

Смеркается. Отец, тяжело дыша, с трудом снимает с плеч Юханну – они подошли к склону. Отец направляется к мельнице, возится с замком. Юханна слышит, как он, вполголоса ругаясь, начинает спускаться вниз, к лодке. В пещере уже тихо, братья уснули, только мама ворочается на жестком ложе.

Девочке разрешают спать у отца на плече. Она прижимается к отцу. В пещере холодно.

Потом возникают новые картины. Теперь она уже больше. Она видит это по размеру своих следов, прыгая у входа в пещеру. Она обута в деревянные башмачки – на склоне очень скользко.

– Папа, – кричит она, – папа!

Но он не отвечает. Наступила осень, темнеть стало рано. Юханна видит свет в пещере, и ее это почему-то пугает. Из пещеры раздается чей-то громкий возглас. Это Рудольф. Он видит, как она испугана, а она замечает, что они оба шатаются – и он, и отец.

– Иди домой, малышка! – кричит Рудольф, и она, плача, бежит вприпрыжку. Падает, больно ударяется, но боль в разбитой коленке ничто в сравнении с переполняющей ее радостью.

– Папа, – кричит она, – папочка!

Потом приходит ночная медсестра, озабоченно склоняется над ней:

– Ну, ну, Юханна, это был всего лишь страшный сон. Спи, засыпай.

Юханна, как обычно, послушно закрывает глаза и на несколько часов позволяет себе заснуть – до тех пор, пока ее не будят голоса начавшейся дневной смены, а в жилы не врывается ледяной холод. Юханна дрожит от холода, но никто этого не замечает, окно открыто и оттуда немилосердно дует. Но вот ей меняют постель, и она больше не мерзнет и не краснеет от стыда.

Она возвращается в дневную белую пустоту, в ослепительное небытие.

Анна провела ночь, мучаясь тяжелыми отрезвляющими мыслями. Эти мысли проснулись одновременно с чувствами, когда сестра Мерта спросила о ее поздних детях. Нежность и ненасытность. С ней всегда было так – сила чувств оставалась прежней, даже когда убывали силы телесные.

Уснула Анна только в третьем часу. Ей снилась мама. Ей снились мельницы, потоки, льющиеся через плотину в сверкающее озеро. Во сне озерная вода была тихой и светлой.

Сон успокоил и утешил ее.

Господи, как мама умела рассказывать! Об эльфах, танцующих над озером в лунном свете, о ведьме, соблазнившей кузнеца, заколдовавшей и людей, и скотину. Когда Анна стала старше, сказки превратились в длинные повествования о живых и мертвых в дальних неведомых странах и чужих народах. Когда Анне исполнилось одиннадцать, она стала более критичной, поняла, что все это выдумки, и эти чудесные страны существовали лишь в мамином воображении.

Став взрослой и получив водительские права, Анна часто сажала маму в машину и возила ее к порогам на Длинном озере. До порогов было всего двадцать четыре мили. Она хорошо помнила, как злилась на папу, когда в первый раз определила это расстояние по карте. Машина была у нее уже много лет, и она часами катала в ней Юханну и дочку, чтобы та вдоволь наслушалась рассказов о чудесной стране детства. Было бы желание и понимание.

И они в конце концов нашли общий язык – она и мать, в тот солнечный летний день, тридцать лет назад, и былую злость и раздражение словно сдуло ветром. В тот торжественный и удивительный момент она ясно и отчетливо увидела: все было правдой, сказочная страна и в самом деле существовала – здесь, у Длинного озера с глубоким дном, порогами, с водой, падающей с высоты в двадцать метров, здесь, рядом с величественно-тихими, расположенными выше горными северными озерами – Норвежскими озерами.

Мельницу давно разобрали и на ее месте построили электростанцию, которая теперь тоже не работала, так как энергию получали на другой, атомной электростанции. Но красивая красная избушка осталась на месте, какой-то незнакомец давно пользовался ею как своим летним домиком.

Момент был слишком значителен для громких слов, и говорили они мало. Мама плакала и просила прощения за свои слезы: «Как же я глупа!» Только когда они достали из машины корзинку с едой и уселись с чашками кофе и бутербродами на плоский большой камень, Юханна начала рассказывать, и слова ее лились так

же, как когда-то, в далеком детстве Анны. На этот раз мать выбрала историю о войне, которая так и не случилась.

– Мне было всего три года, когда начался кризис унии, и мы бежали в пещеру. Это там, далеко за горой. Может быть, мне просто кажется, что я все это помню, потому что потом много раз слышала эту историю, когда уже выросла. Но я очень живо представляю себе эту картину. Рагнар примчался домой. Он был такой изысканный в своей синей форме с белыми пуговицами... Он и сказал нам, что скоро будет война – между нами и норвежцами!

Всеобщему удивлению не было предела, это детское удивление граничило с непониманием. Даже трехлетний ребенок, живший в приграничной области, понимал, что на другой стороне у него есть родственники. Мамина сестра была замужем за торговцем рыбой из Фредриксхалла, двоюродные сестры летом проводили по несколько недель в домике мельника, да и сама она всего несколько месяцев назад была с матерью в том городе, в гостях у тетки. Юханна помнила, как пахло рыбой от мужа тетки и как он говорил, когда они осматривали стены городской крепости:

– Отсюда мы стреляли по этому шведскому черту.

– По кому?

– По шведскому королю.

Девочка испугалась, но тетка, которая была мягче и добрее матери, взяла ее на руки и успокоила:

– Это было давным-давно. Люди тогда были глупыми-глупыми.

Но может быть, это был голос дяди по матери, оставшийся в ее памяти. Вскоре после поездки в Норвегию она спросила об этом отца. Он в ответ громко, как тетка, рассмеялся и сказал, что было это давным-давно, при царе Горохе, когда люди как последние бараны слушались своих сумасшедших офицеров и королей.

– К тому же стрелял не норвежец. Это был швед, который безмянным вошел в историю.

Она тогда ничего не поняла, но слова отца запомнила крепко. Много лет спустя, когда ходила в школу в Гётеборге, мать узнала, что отец говорил правду. Это был, несомненно, благословенный выстрел, ибо он покончил с Карлом XII.

Они долго просидели тогда на камне, мама и Анна. Потом прошлись по дороге, огибающей бухту, направились через лес к школе, которая до сих пор стояла на месте, хотя и оказалась меньше, чем помнилось Юханне. Посреди леса лежал гладко обтесанный камень. Мама долго стояла перед этим камнем, не переставая удивляться: «Какой же он, оказывается, маленький!» Анна, в детской памяти которой тоже застрял этот волшебный камень, не стала смеяться.

Весь тот длинный субботний день Анне удалось быть образцовой дочерью. Она приготовила любимые блюда отца, без всякого видимого нетерпения выслушивала его бесконечные истории и даже отвезла его к причалу, где стояла лодка, сидела в ней и мерзла, пока он осматривал двигатель, заводил его для пробы и кормил гаг хлебными крошками.

– Может, прокатимся?

– Нет, слишком холодно. К тому же надо ехать к маме. По-моему, она сердится.

Анна так и не научилась ни ставить парус, ни крутить магнето. Если только ради отца... но нет, осторожность не повредит.

– Ты всю жизнь только тем и занималась, что сидела, уткнувшись носом в книжки, – сказал отец.

Он произнес эти слова с намерением причинить боль, и ему удалось достичь цели.

– Я полностью себя обеспечиваю, – возразила она.

– Деньги, – сказал он, и уголки его рта презрительно опустились, – это все же не самое главное в нашем мире.

– Это так. Но ты также бываешь прав, когда жалуешься, что у тебя такая маленькая пенсия и приходится считать каждый эре.

Маска примерной дочери вот-вот лопнет, подумала Анна и тут же запретила себе детскую обидчивость, чтобы не спровоцировать неизбежную ссору. Но отец, как обычно, был непредсказуем. Из-за этого с ним бывает так тяжело, подумала она.

– Ты никогда не могла понять, что значит быть голодным и бедным, – сказал он. – Я смолоду научился экономить каждый эре.

Она сумела успокоить его, сказав милому папочке, что пошутила. Туча прошла мимо. Анна помогла отцу выбраться из лодки, и они пошли к машине.

У него всего две главные черты – злоба и сентиментальность, подумала она. Как только одна сторона скрывается в тени, тут же проявляется вторая. Потом Анна подумала, что она несправедлива к отцу. В общем-то он прав – она действительно никогда не голодала.

В больнице тоже все было лучше, чем обычно. Анна делала все что положено – агукала со старухой, держала ее за руку и покормила обедом: ложечку за папу, ложечку за маму. Анна, устыдившись, осеклась на полуслове – это было унижительно.

После еды мать уснула, а Анна какое-то время сидела рядом и смотрела на безмятежное лицо старухи. Во сне она была похожа на себя прежнюю, и Анна, готовая взорваться от нежности, которую была неспособна выразить, вышла на террасу покурить. Держа в руке сигарету, она припоминала дурные стороны характера матери, и ее тут же охватило самоуничужение и чувство вины. Она сама – всего лишь домашняя хозяйка, мать двоих детей.

Но мысль была глупой и несколько не помогла. «Ни одно чувство не причиняет такую боль, как любовь, – подумала Анна. – Моя ошибка в том, что мне слишком многое позволено, и я не могу совладать с собой, когда речь идет о маме или Рикарде. Но ведь я всегда держу себя в руках, когда дело касается детей».

Мысль о двух дочерях больно кольнула Анну. Казалось бы, у нее нет никаких поводов тревожиться за них. Правда, им тоже досталась не очень-то ответственная мать. Но тут уж ничего не поделаешь.

Когда Анна вернулась в палату, мать уже проснулась и даже попыталась улыбнуться дочери. Наверное, это лишь привиделась Анне, но она была счастлива, словно повстречала в палате ангела.

– Привет, мамочка, – сказала она. – Хочешь, скажу, что мне приснилось сегодня ночью? Мне снилась та норвежская мельница, о которой ты мне рассказывала.

Момент счастья безвозвратно канул в небытие, но Анна продолжала говорить, делая долгие, многозначительные паузы. Обычно именно так говорят со взрослыми.

– Это напомнило мне о том, как мы были там в первый раз, ты и я. Ты наверняка помнишь, какой это был замечательный летний день, а я так радовалась твоим рассказам. Мы сидели на большом камне на берегу озера, помнишь? Ты рассказывала о пещере, куда вы бежали, потому что думали, что будет война с Норвегией, рассказывала, как там жили и как мерзли. Ты еще говорила, что спала под мышкой у своего папы.

Наверное, она выдавала желаемое за действительное, но Анне показалось, что лицо старухи оживилось, что по нему скользнуло выражение сначала удивления, а потом радости.

Анна улыбнулась.

«Это всего лишь мое воображение, плод внушения. Я же понимаю, что это невозможно, но я хочу в это верить. Мама, мамочка, не уходи, останься, побудь со мной».

Анна продолжала говорить – о водопаде и лесе, хотя лицо, живое лицо матери снова исчезло. Но Анна упрямо проговорила:

– Я часто пыталась представить себе, каково было спать там, в пещере. Там же ужасно сыро, огня вы не разводили, а значит, ели холодную пищу.

Теперь у Анны не было никаких сомнений – лицо матери дрогнуло и даже на этот раз повеселело.

Мать попыталась улыбнуться Анне, но такое напряжение было превыше ее сил, и улыбка осталась пустой гримасой. Но чудо не исчезало, карие глаза Юанны осмысленно смотрели в глаза дочери.

В следующий момент мать уснула. Анна продолжала сидеть возле кровати. Через полчаса дверь открылась, и на пороге появилась голубоглазая медсестра.

– Сейчас мы переоденем больную и поменяем белье.

Анна встала, наклонилась к уху матери и прошептала: «Спасибо». Когда она ушла, старуха сразу же принялась громко кричать.

Анна объехала берег, остановилась и некоторое время сидела в машине, глядя на мыс, где училась когда-то плавать. Зеленая трава и блестящие камни пляжа, пригорки и выступы, между скалами прячется лодочная мастерская, скромные домики, местами обложенные кирпичом и так ловко подправленные, что исправления были абсолютно незаметны; дальше, в предгорье, раскинулись знакомые с детства луга, где было полно земляники и васильков, где перед рядами домов важно лежали коровы. Ряды домов издали были похожи на опрокинутый на бок небоскреб. Все казалось чужим и незнакомым, теми же остались только море и острова, проступающие на горизонте плоскими низкими контурами.

Утеранный мир, утеранная страна, утеранное безвозвратно детство.

«Однажды мы шли на тот мыс, взявшись за руки. Шли с пледом и котомкой с едой. Там лежали бутерброды. Для себя ты взяла кофе, а для меня сок. Мне хотелось казаться взрослой», – вспомнила Анна и помрачнела. Одновременно с печалью она ощутила и раздражение. Почему все заканчивается так мерзко, так варварски?

«Моя мама была красива, как этот пейзаж, а теперь она разваливается на глазах, а я пытаюсь научиться принимать это со смирением. Со временем, и очень скоро, я тоже стану старой».

Пора ехать домой. Впрочем, спешить ей некуда, ведь отец спит.

Тихо, как вор, она проникла в дом и после недолгих поисков обнаружила наконец то, что давно хотела найти – фотоальбом. Но снимки не пробудили и не оживили память. Это были всего лишь внешние картинки, констатация фактов. Да, тогда все выглядело так.

Она осторожно выдвинула ящик стола, чтобы положить на место старый альбом. Он не хотел помещаться в ящике, и Анне потребовалось какое-то время, чтобы понять почему. Она отложила альбом и заглянула в ящик. Под цветной бумагой, которой мама в незапамятные времена выстлала дно, лежала еще одна фотография, под стеклом и в рамке. Бабушка!

Анна отвела взгляд от фотографии и удивленно посмотрела на стену, где всегда висела эта фотография, рядом с такими же портретами других бабушек и дедушек, детей и внуков. Да, так и есть, портрет висел там, об этом говорило и пятно на выцветших обоях.

Что за причуда? Зачем отцу понадобилось снимать со стены фото бабушки? Он ее не любил? Но сам ли он снял портрет?

«Да и что я, собственно говоря, знаю? Что, вообще, можно знать о родителях? А о детях? И почему это так важно? Почему мы воспринимаем как недостаток отсутствие воспоминаний и понимания? Для меня это как пустота, которую надо заполнить. Как будто у меня не было детства, а только рассказы о нем, о том, что тогда происходило, а может быть, и не происходило вовсе».

Они были отличными рассказчиками, особенно мама – она умела оживить любой рассказ, сделать его зримым.

Не были ли нарисованные ею картины слишком позолоченными?

Папину привычку кое-что прибавлять к своим рассказам только для того, чтобы слушающий мог извлечь из рассказа какой-то сложный урок, мама плохо понимала и в молодости, она приукрашивала по-своему. Но ей это было простительно, так как ее рассказы получались захватывающими и поразительно интересными.

Анна тихонько прокралась вверх по лестнице в свою старую детскую, села на кровать и только теперь почувствовала, как устала. Едва не засыпая, она все же

поняла, что сделала важное открытие. Может быть, она представляет свое детство не таким, каким оно было на самом деле, а таким, каким его преподнесли ей в описаниях. Это были всего лишь рассказы, и чувства она испытывала к ним, а не к своему детству.

Не так ли зарождается отчуждение?

Она проснулась оттого, что старик внизу, в кухне, начал возиться с кофейником. Анна встала и, испытывая угрызения совести, спустилась по лестнице.

- Ага, вот и ты, - сказал он и улыбнулся. - Я, кажется, спал, когда ты пришла и поздоровалась.

- Ты забыл?

- Я теперь так легко все забываю.

Анна забрала у него кофейник:

- Сядь на диван, я сама заварю кофе.

Она нашла в холодильнике корицу, потом поставила кофейник на огонь, встала у плиты и принялась смотреть, как закипает вода, как пузырьки пара с шипением проскакивают сквозь бумажный фильтр. Анна вдыхала аромат кофе и рассеянно, не вникая в смысл, слушала длинный рассказ отца о том, как он однажды повстречал в море кита, когда шел под парусом из Скагена. Это была старая-старая история, и она слушала ее великое множество раз, и каждый раз с удовольствием.

В какой-то момент старик потерял нить повествования. Рассказ забуксовал, а потом окончательно остановился.

- Да, так о чем это я?

- Дело было у Варберга.

– Да, да, именно так, – благодарно, с чувством произнес отец, но упоминание о Варберге дало ему в руки иную нить, и он начал рассказывать какую-то другую историю об одной девушке, с которой он познакомился там, на танцах в старой крепости. Потом он снова запнулся, помолчал и смущенно повторил, что там, в старой королевской крепости, он в ту светлую летнюю ночь танцевал с девушкой, а потом подрался с ее женихом.

Когда он живописал свою замечательную победу над женихом, голос его звучал уверенно, настроение стало приподнятым, глаза сверкали. Сейчас в его мозгу смешались самые разнообразные воспоминания – о драках, из которых он выходил победителем, о том, как он остановил на скаку понесшую лошадь, как спас какого-то упавшего в море парня.

Анна сняла кофейник с плиты. Отчаяние стало просто невыносимым. Ее обуял страх от безудержного хвастовства распадающегося сознания, неразборчиво брызжущего воспоминаниями.

Какими еще воспоминаниями? Может быть, это просто праздные измышления, которых с годами становится все больше и больше.

«Я не хочу стареть», – подумала она. Наливая кофе в чашки, Анна размышляла: что можно сделать, чтобы не обезуметь? Но вслух она сказала другое:

– Клеенка у тебя совсем порвалась. Завтра надо поехать и купить новую.

После кофе старик поплелся к старому заслуженному телевизору. Он сел перед ним в продавленное кресло и, как обычно, мирно уснул. Пока он спал, Анна успела приготовить ужин и прогуляться по дубовой роще между домом и горой.

Они поужинали котлетами со сливочным соусом и брусникой.

– Так вкусно я ем, только когда ты приезжаешь, – сказал отец. – У девочек, которые сюда прибегают, нет времени готовить настоящую еду.

В его словах недвусмысленно прозвучал упрек. Так как она и не думала отвечать на этот выпад, старик решил подольститься:

– Точно так же, как дома, ты можешь писать и здесь.

– У меня есть дом, муж и дети.

– Но ведь они могут приходить к тебе в гости, – сказал отец, и Анна вдруг подумала, что, по существу, он прав. Она вполне могла бы заканчивать свои доклады наверху, в своей старой комнате. Честно, подумала она и жалко улыбнулась – как можно сохранить честность? «Что будет, если я скажу все как есть? Скажу: «В твоём доме, папа, у меня не будет ни минуты покоя. Я не могу себе представить, что пробуду здесь два дня и не сойду с ума». – Я не стану тебе мешать, – пообещал он.

В его голосе слышалась такая мольба, что Анна едва не расплакалась. Но, взяв себя в руки, она заговорила о компьютерах, нужных ей для работы, а это такие машины, которые нелегко переносить с места на место.

Честность, подумала она. Она говорит о честности и лжет отцу прямо в глаза. Когда он поднялся из-за стола и поблагодарил за ужин, в голосе его сквозил холодок. «Я же не люблю его, – подумала Анна. – Я боюсь его, я его не выношу, он мне просто противен. Мне будет тяжело полюбить его».

Анна вымыла посуду. Пришел сосед, который очень ей нравился, – любезный и обходительный мужчина. Он был рад ее видеть, погладил по щеке и сказал:

– Тебе нелегко, я понимаю.

Она ощутила необъяснимый страх, встретившись с ним взглядом. В кухне стало темнеть.

– Иди к папе, а я пока приготовлю грог, – сказала она, почувствовав, как надломился ее голос.

Дрожащими руками она поставила на стол поднос, привезенную с собой бутылку джина, тоник, тарелочку с арахисом. «Что это? Предчувствие? Нет! Я просто усталая донельзя идиотка». Она повторила эти слова вполголоса несколько раз: «Я просто усталая донельзя идиотка. Он еще молод, свеж и бодр, такие мужчины живут долго». Ставя на стол выпивку, она словно невзначай спросила:

– А как твои дела, Биргер?

Он удивленно посмотрел на Анну и ответил, что дела у него, как всегда, идут хорошо. Она кивнула, но потом в течение всего вечера избегала встречаться с ним взглядом. Было еще сравнительно рано, около девяти, когда старик вдруг почувствовал усталость. Анна помогла ему лечь, проявив всю мягкость и уступчивость, на какую была способна. В последние годы он стал очень ранимым.

В своей комнате наверху она, как бывало, выпила чашку чая. Мама всегда настаивала на этом – перед сном надо непременно выпить чашку чая с медом. Анна сделала глоток сладкой горячей жидкости, и детство тотчас ожило, встрепенулось, завладело памятью. Аромат меда в чае, чашка с синими цветочками, за окном верещат чайки, дерзко похваляясь своим жизнелюбием.

Анна открыла окно и принялась следить взглядом за галдящей птичьей стаей. Она удалялась к морю, пролетая над Асперё и Чепстадсё. В следующее мгновение она услышала, как в дубраве поют черные дрозды, празднуя наступление мая.

Это было уже слишком. Тоска стала физически невыносимой. Анна решительно проглотила таблетку снотворного.

Золотистый рассвет разбудил ее рано. Может быть, в этом раннем пробуждении был повинен не только свет, ибо ночью Анне снилось птичье пение из сада, громкое, прекрасное и мощное, как сама весна. Некоторое время Анна лежала неподвижно, пытаясь различить голоса птиц – радостный свист зябликов, бодрое попискивание синиц и стрекочущее щебетание ласточек, летящих в свои гнезда под краями крыш.

Ласточки прилетели и принялись лепить гнезда к кирпичным стенам, подумала Анна и на мгновение успокоилась: значит, в мире все идет как должно.

Она бесшумно, как призрак, спустилась в кухню, заварила чашку кофе, вытащила из шкафчика корицу и на цыпочках пошла к лестнице. Вовремя вспомнив, что шестая ступенька скрипит, она перепрыгнула через нее, остановилась и прислушалась. Старик громко храпел в спальне.

Анна погрузилась в себя, пение птиц помогало слушать тишину в душе, проникнуться убеждением, что все хорошо, несмотря на все страдания и невзгоды. Ей удалось это, и, мало того, она поверила в то, что маме нетяжело, что боль покинула ее, что память у папы стала такой короткой, что он не помнит даже горечь от обид.

Она склонилась над бабушкиной фотографией и долго на нее смотрела.

«Ханна Бруман. Кто ты? Какой ты была? Я же знала тебя, правда, довольно странно, знала только по слухам. Ты была легендой, величественной и сомнительной в одно и то же время. Ты была невероятно сильной, как говорила мама.

Но ведь я же должна помнить тебя и настоящую, ты была еще жива, когда я выросла и стала взрослой, вышла замуж и родила детей. Но эта фотография не похожа на мои воспоминания о тебе. Надо, конечно, принять в расчет, что снимок сделали, когда ты была молода, была женщиной в самом расцвете красоты. Я же помню тебя уже старой, похожей на странницу, нелепо огромную и толстую, неизменно одетую в большую, не по размеру, мятую черную одежду.

Так вот как выглядела ты в лучшие свои годы, когда могла легко пройти милю с пятидесятикилограммовым мешком муки с мельницы в соседний поселок у порогов. Там ты меняла муку на кофе, керосин, соль и другие нужные вещи.

Неужели это правда? Мама говорила, что ты действительно носила на спине тяжелые мешки. Но только весной и осенью. Летом ты ездила на лодке, а зимой – на санях по льду.

Мы родились в разных мирах – ты и я. Но теперь-то я вижу, как мы с тобой похожи. Тот же лоб, та же прическа, те же удлиненные губы и короткий нос. Но подбородки у нас разные – твой упрямый. Выступающий. Взгляд твердый, глаза колючие. Я очень хорошо помню эти карие глаза.

Мы долго смотрим друг на друга. Впервые в жизни мы смотрим друг на друга!

Какая же ты была? Почему мы с тобой так и не познакомились? Почему ты никогда мною не интересовалась?»

Анне вдруг кажется, что она явственно слышит детский голос, который спрашивает:

– Почему она не настоящая бабушка? Такая, у которой сидят на коленях, а она рассказывает сказки?

Тут же Анна слышит и ответ матери:

– Она старенькая и сильно устает, Анна. В молодости ей порядком досталось. У нее никогда в жизни не было времени для сказок.

Не показалось ли ей, что она слышит горечь в голосе матери? Нет, она должна вспомнить все сама.

Бабушка иногда приходила в гости. Случалось это по утрам. Анна тогда была маленькая, а бабушка еще могла пройти долгий путь от автобусной остановки до дома у моря, где они тогда жили. Бабушка садилась на стоявший в кухне диван, пахнувший печеньем и свежим пшеничным хлебом, стол накрывали скатертью и ставили самые красивые чашки. Бабушка приносила с собой ощущение благодати, спокойствия, она была похожа на большую кошку, которая тихо мурлычет, свернувшись в клубочек в углу дивана. Она и правда мурлыкала, это я помню. В груди у нее что-то шуршало и скрипело, как в крупорушке, когда она молчала.

Слушать ее речь тоже было очень приятно, и забавно – она говорила наполовину по-норвежски, быстро и не всегда понятно.

– Как тут у нас, – говорила она, – красиво и аккуратненько.

Она постоянно удивляла себя и других тем, что слова слетали с ее губ быстрее, чем она их осознавала. Она замечала это слишком поздно и либо смущалась, либо начинала смеяться.

О чем они говорили?

О соседях по муниципальному дому. О детях, которые плохо себя вели, о пьющих мужиках и больных женщинах. Но говорили и о свадьбах и новорожденных, о праздниках, о еде, да и вообще обо всем, о чем говорят люди.

Для ребенка это было все равно что залезть на крышу и наблюдать сверху за сутолокой человеческих фигурок. Это было как игра. Но для обеих женщин это была реальность и настоящая, серьезная жизнь. Они проявляли живейший интерес к болезненным детям Хеглундов, пьянству маляра Юханссона и странной болезни фру Ник лас сон.

Обычные сплетни. Не сказать чтобы слишком злые, но, во всяком случае, и не добрые. Только теперь Анна поняла, что в эту болтовню выплескивалась бесконечная оргия чувств. Они купались в чужих несчастьях, отвлекаясь от трудностей личных, о которых было не принято вспоминать. Говорить о них было невозможно. Стыдно.

Бабушку было очень легко вогнать в краску.

– Ты никогда не плачешь, бабушка?

– Нет, а зачем плакать? – ответила она и залилась пунцовым румянцем.

Мама страшно смутилась и отчитала дочку. Было много вещей, о которых не позволялось спрашивать бабушку, и за такие вопросы на назойливых детей можно было и прикрикнуть, а Юханна всегда переживала из-за нахальных вопросов своей дочки.

– Ты всегда была чертовски практична, – сказала Анна, глядя на фотографию.

«Может быть, я ошибаюсь, – подумала Анна, оторвав взгляд от фотографии и посмотрев на море за окном. Она окинула взором длинный ряд маленьких домиков, в которых – забор к забору – жили новые люди, не знавшие друг друга даже по именам. – Может быть, вы так себя вели, потому что обе сильно тосковали по деревне, откуда были родом? Так вы старались оживить и восстановить связи и чувства, любой ценой сохранить их после переезда в большой город».

Анна почти физически уловила смешок бабушки по поводу такого объяснения. Ей нравился город, электрический свет, водопровод, магазины, находившиеся по соседству в том же квартале, и право запираеть свою дверь.

Бабушка приезжала на ужин по воскресеньям, точнее, папа привозил ее на машине. На бабушке неизменно был длинный черный шарф и белый крестик на шее, за столом она сидела молча и говорила, только если ее о чем-то спрашивали, и всегда во всем соглашалась с зятем.

Анну внезапно поразило неожиданное воспоминание. Воспоминание совершенно отчетливое. Так же удивленно за столом говорили о том, что учительница нашла Анну одаренной.

Одаренная? Это было необычное для родственников слово. Да и учительница говорила о нереальности дальнейшей учебы. Бабушка покраснела и возмущенно фыркнула – разговор стал ей невыносим. Она задержала взгляд на внучке и сказала:

– И что толку от всего этого? Ты же всего лишь девушка. Задерешь нос и сбежишь отсюда, вот и все.

Наверное, эти слова и определили будущность Анны. «Всего лишь девушка»! Эти слова вызвали вспышку гнева у папы, который никогда не признавал, что страшно разочарован из-за того, что его единственное дитя – девочка.

– Анна сама это решит, – сказал он. – Если захочет учиться, значит, так и будет.

«Как же я могла забыть то воскресенье, тот разговор?» – подумала Анна. Она вернулась к кровати и снова взгляделась в фотографию.

– Ты ошиблась, старая ведьма, – произнесла Анна вслух. – Я выучилась, я сдала экзамены, мне сопутствовала удача, я вращалась в мирах, о которых ты не могла даже мечтать. Да, я задрала нос, я стала высокомерной, как ты говорила, как говорили все. Что же касается тебя, то ты так и осталась ископаемым, примитивным пережитком давно минувших времен. Я вычеркнула тебя из своей жизни, ты была лишь мучительным напоминанием о происхождении, которого я стыдилась. Именно поэтому я не хотела тебя знать и не сохранила память о тебе. Но именно поэтому так много говорит мне твоя фотография, ибо она

подтверждает, ясно и отчетливо, что и ты была одаренной девочкой. Ты тоже. У тебя были иные предрассудки и убеждения, нежели у меня, это правда. Но иногда ты была права, особенно когда сказала, что мне не к лицу будет задирать нос и бежать от них. Ты надеялась, что и меня ждет обычная женская доля. Но я не таскала мешки с мукой с мельницы в поселок, бабушка. Я добилась этого.

Ханна

У матери Ханна детишки родились двумя выводками. Четверо первых умерли от недоедания в голод, который случился в конце шестидесятых. Сама Майя-Лиза была настолько смела, что решила родить еще детей.

Смелость была вознаграждена. Весна семидесятого года выдалась ясная, с дождями. Вода напитала иссохшую землю, и она родила хлеб. Об изобилии, конечно, не было и речи, но в погребах до осени были капуста и картофель, а коровам в лугах хватило травы на то, чтобы дать молоко.

И Майя-Лиза забеременела.

Спохватившись, она прокляла свой злой рок, но Август, ее муж, сказал, что она, наоборот, должна быть благодарна судьбе. Им-то не пришлось бежать на скрипучих телегах из Даля, как многим-многим другим мелким крестьянам.

* * *

В новом выводке Ханна родилась старшей, за ней последовали еще одна девочка и трое мальчиков. Из всего этого мать извлекла урок – она не привязывалась к новым детям, как к дурным плодам и плохому поветрию.

Об этом Ханна узнала позже. В церкви.

В тяжелые времена в их церковь пришел молодой пастор с добрыми теплыми глазами. Этот пастор жил, следуя заветам Христа. Он делил свой хлеб со стариками, приходя в дома, он никогда не забывал принести с собой молока для детей, невзирая на то что еды не хватало и в его собственном огороде. Днями он хоронил детей и стариков и писал церковные благословения всем, кто бежал на Запад – в Норвегию и Америку. Ночами возносил молитвы за всех несчастных.

Молитвы не оказывали видимого действия, и пастор все чаще стал заменять их брошюрами, которые присылал ему брат, работавший врачом в Карлстаде. Это было полезное дополнение к его проповедям, в которых он твердил о важности чистоты. Чахотка происходит от грязи, а рахит от темноты, говорил он с амвона. Все дети должны видеть дневной свет. Они умирают не от мороза, а от темноты и грязи, гремел он. Всем детям надо давать молоко.

Эту весть паства встречала поначалу презрительным фырканьем, такие уж были времена. Но постепенно матери стали внимать пастору со страхом, и Майя-Лиза тоже слушала и воспринимала его слова со всей серьезностью.

Сколько было шума и ругани дома, прежде чем она смогла убедить мужа не плевать на половики. Но она была непреклонна, ибо поняла, что пастор прав. Новые дети росли крепкими и здоровыми.

Но вскоре пастор с добрыми глазами уехал, и его сменил другой, неумеренно любивший водку. Со священниками была просто беда, каждый следующий в этих местах был после трудных лет хуже предыдущего. Страх крепко засел в душах, радости было мало, а зависти много. Долго витала она между домами, над полями и лугами, над покинутыми дворами и усадьбами. Зимой о ней напоминали нищие, бредущие мимо домов.

Когда Ханне сравнялось десять лет, к ним в Бротен приехал новый пастор и принялся обходить дома. Он говорил, что они должны благодарить Бога за то, что живут в таком красивом месте. Ханна с удивлением выглянула в окно на озеро и высокие горы. Она так и не поняла, о чем он говорил, этот пастор. Еще меньше поняла она его слова о том, что Бог заботится о своих чадах и любит их. Бог помогал только тем, кто имел крепкую хватку и умел отбирать себе все, до последней крошки.

В двенадцать лет Ханна пошла в прислуги к богатым людям, живущим в устье реки. Там же она ходила и в школу, так как ей надо было уметь считать и писать. Отец сказал, что этого девочке будет довольно.

В Люккане, как называлась усадьба, владычествовала Ловиса, скаредная жадина, известная своим чванством и высокомерием. Усадьба считалась богатой в этом нищем краю, где на всю округу был лишь один жалкий заводик. Ловиса была несчастлива с детьми, две ее дочери умерли в младенчестве, один сын усох и умер от английской болезни – рахита. Остался младший сын, красивый мальчик, которым Ловиса могла гордиться. Он был не похож на обычных мальчишек даже внешне – был темноволосым и черноглазым.

Злые языки поговаривали, что незадолго до его рождения поблизости кочевал цыганский табор. Но рассудительные люди помнили, что дедом Ловисы по отцовской линии был испанец, матрос, который доплыл до берега в Орусте после кораблекрушения.

Хозяева усадьбы были родней, владелец Иоэль Эрикссон приходился братом матери Ханны. Дед до сих пор жил во Фрамгордене, а другие участки поделил между детьми. Иоэль, сын, получил Люккан. Майя-Лиза и ее муж – Бротен, участок там был меньше и земля хуже.

Словно в награду за эту несправедливость Майя-Лиза вышла замуж за доброго и работающего парня, Августа Ольссона, родившегося и выросшего в Норвегии. Между тем Иоэль случайно встретился с угрюмой Ловисой из Бохюслена.

Ловиса была набожна и благочестива. Подобно многим женщинам такого сорта, она находила какую-то странную радость в том, чтобы держать мужа в ежовых рукавицах, воспитывать его в духе Господа, изводить придирами и замечаниями и каждодневно убеждать в том, что лучше быть в плохом настроении, чем мучиться от нечистой совести.

У Ханны началась череда долгих дней, заполненных тяжелой работой и постоянной руганью. Ханна не жаловалась, дед и его жена и не думали ее жалеть, а Ловиса вообще относилась к ней как к животному. Кормили ее, правда, хорошо, а один день в месяце она была просто счастлива – когда ее отпускали домой к родителям с мешком муки.

В октябре, когда по вечерам стала рано сгущаться темнота, у Ханны пришли первые месячные. Сильно болело внизу живота, крови было много, и девочка испугалась, но не осмелилась ничего сказать Ловисе. Ханна раздергала на жгуты самое рваное полотенце и зажала их между ног, чтобы кровь не текла на пол. Ловиса подозрительно посмотрела на Ханну и, как всегда, на нее накричала:

- Пошевеливайся, что сидишь как колода, шевели ногами, девчонка!

Она позволила себе расплакаться только в субботу, когда пришла домой и уткнулась в грудь матери. Но мать отнеслась ко всему философски - подумаешь, какая-то капелька, стоит ли из-за этого плакать. Мать научила ее делать нормальные прокладки и закреплять их поясом на талии. Мать даже не пожалела для любимой дочери две драгоценные английские булавки из своей швейной шкатулки. Это было целое богатство. Позже Майя-Лиза сказала:

- Теперь ты должна понимать, что это опасно. Держись подальше от лоханей с помоями.

Однажды настал вечер, когда Ханне пришлось спать на сеновале. Вообще-то спальное место ей отвели в кухне, но там было беспокойно, там по вечерам вечно ссорились и ругались. Чаще всего ругали сына, которого мать вконец избаловала, или отец ругался с людьми. Ханна так уставала за день, что засыпала, несмотря на летавшие над ее сундуком ругательства. Но тем вечером работники подрались прямо в комнате, и в кухне были слышны звуки глухих ударов и громкие проклятия. Ханна решила, что теперь Иоэлю конец. Но потом раздался вопль Черного Рикарда. Подстрекательский вопль, больше похожий на рев из преисподней.

Он их подзуживал, прости его Господь.

Именно тогда Ханна сбежала в хлев. Она, правда, очень боялась мальчишки, который принимался щипать ее, стоило только матери отвести от него взгляд.

Она мгновенно уснула на сене, как измотанная за день ломовая лошадь, и проснулась оттого, что сын Ловисы пытался задрать ей юбку. Ханна старалась вырваться, но он держал ее крепко, и она поняла, что сейчас умрет. Поняв это, перестала сопротивляться. Рикард оказался тяжелым как бык. Он навалился на

нее, втиснулся в нее, и Ханне показалось, что она сейчас разорвется на куски от жуткой нестерпимой боли. Она просила Бога забрать ее.

Потом ей показалось, что она и в самом деле умирает, но к полудню, к своему удивлению, очнулась, окровавленная и истерзанная. Она попробовала пошевелить сначала кистями рук, потом плечами, а потом ногами. Решение она приняла сразу, хотя сначала это была лишь неясная мысль: скорее домой, к маме.

Она медленно брела по лесу, оставляя за собой кровавый след. Последний километр ползла на четвереньках, но у нее хватило сил, добравшись до двери, вползти на крыльцо и позвать мать.

В первый и последний раз в жизни Ханна видела, как ее мать плачет. Девочка легла на кухонный стол, а мать выжимала тряпку за тряпкой, но не могла остановить кровь.

– Господи, господи, – беспомощно повторяла Майя-Лиза, но в конце концов сумела взять себя в руки и послала старшего сына за Анной, местной повитухой, принимавшей многочисленные роды Майи-Лизы. Повитуха сумеет остановить кровотечение. – Скорее, скорее! – крикнула она вслед мальчику.

Она собралась было снять с дочери разорванную одежду, но помедлила. Вдруг с внезапно вспыхнувшим гневом вспомнила, что Анна была не только повитухой, но и разносила сплетни от дома к дому, выбалтывая самые сокровенные тайны своих пациенток.

Майя-Лиза не могла понять, спит Ханна или потеряла сознание. Кухня была уже похожа на бойню, и Майя-Лиза громко взывала к милосердию Бога, а проснувшиеся дети во все глаза смотрели на обеспамятевшую сестру.

Но вот наконец пришла Анна, как всегда спокойная и уверенная в себе. Смешав какой-то порошок с нутряным салом, она смазала вульву Ханны получившейся мазью.

От прикосновений повитухи девочка очнулась и принялась тихо плакать. Повитуха склонилась над ребенком и спросила:

– Кто?

– Черный Рикард, – прошептала девочка.

– Я так и думала, – угрюмо пробормотала Анна. Немного погодя она дала девочке какой-то отвар, сказав, что это окончательно остановит кровь и погрузит Ханну в глубокий целительный сон. Один Бог знает, оправится ли она когда-нибудь, сказала Анна, да и замуж она теперь едва ли выйдет.

Майя-Лиза не выказала никакого огорчения по поводу обоих замечаний Анны, безропотно проглотив стыд. Она отослала детей в спальню, поставила варить кофе, прибралась в кухне и при этом обнаружила, что вместе с Августом исчезло и висевшее на стене ружье.

Майя-Лиза вскрикнула так громко, что разбуженные дети снова высыпали в кухню, но Анна только фыркнула:

– Дорогуша, успокойся, мы все равно ничего уже не изменим.

– Он же устроит там побоище! – голосила Майя-Лиза.

– Я так не думаю.

В этом Анна оказалась права. Когда Август добрался до Люккана, Рикарда там уже не было. Оба крестьянина выпили водки, успокоились и договорились, что Рикард женится на Ханне, как только девочка войдет в возраст, а до этого Иоэль и Ловиса будут относиться к ней со всем уважением, как к родной дочери.

Правда, из этого соглашения ничего путного не вышло. Ханна сказала, что скорее утонет в речке, чем выйдет за Рикарда. Майя-Лиза была близка к обмороку. Ловиса тайными тропами навещала сына и просила его ради Христа не показываться дома. Старуха Анна поговорила с ленсманом и сказала, что если малютка все расскажет, то Рикарда засадят до конца его дней.

Но ни Август, ни Майя-Лиза не хотели доводить дело до полного разрыва с люкканской родней.

Молва облетела все дома, люди стали сторониться Ловисы и редко заглядывали в Люккан. К тому же в один прекрасный день стало ясно, что Ханна беременна и дело скоро подойдет к развязке. Начали поговаривать, что никакого насилия не было и все произошло по обоюдному согласию. Повитуха Анна не зря работала языком.

Когда у Ханны второй месяц кряду не пришли месячные, Майя-Лиза в сотый раз постаралась уговорить себя видеть причину в том, что девочке порвали все внизу. Но как-то утром Ханну стало тошнить. Повитуха помяла ей живот, сделала большие глаза и сказала, что неисповедимы пути Господни. Отыскав в лесу полянку, где росла дикая петрушка, она приготовила отвар, но была вынуждена констатировать, что едва ли он подействует на малыша в животе Ханны.

– Дело зашло слишком далеко, – заключила она.

В тринадцатый день рождения, пятого июля, Ханна родила своего первенца, хорошенького крепкого мальчишку с черными глазищами. Роды протекали тяжело. Когда наконец все мучения остались позади, Ханна испытала прилив странной нежности к новорожденному мальчику.

Несмотря на то, что он был копией своего отца.

Это достойное удивления чувство заставило Ханну склониться к малопонятному на первый взгляд решению. Она поняла, что родителям будет трудно прокормить двух едоков, а значит, надо возвращаться в Люккан. Хозяин его клялся всеми святыми, что к Ханне станут относиться как к родной дочери, и, пока был в состоянии, Иоэль держал свое слово. Он сильно привязался к мальчику, который рос не по дням, а по часам. Это был удивительный и к тому же веселый и крепкий ребенок.

Ханна работала, как и прежде, за двоих, а Ловиса отнюдь не стала более дружелюбной, несмотря на свои постоянные речи о милосердии, которые она особенно рьяно вела после того, как избавилась от миссионера, который являлся на хутор раз в месяц и собирал свою паству в соседском сарае.

Все трое ждали возвращения Рикарда, но вслух никто не поминал о нем ни единым словом. По селу ходили слухи, что кто-то видел его в окрестностях.

Именно тогда Ханна решила сходить к колдуну, жившему в лесу за Чертовым ущельем, выше по течению реки. Она уже давно об этом подумывала, но боялась, наслушавшись сплетен о старике и его колдовских штучках.

Утром она попросила Иоэля присмотреть за малышом. Было воскресенье, и Ханна сказала, что пойдет в церковь. Дед заговорщически кивнул: это хорошо, что кто-то по своей охоте идет в дом Божий, сказал он, не смутившись злобного взгляда своей хозяйки. Ловиса крикнула вслед Ханне, чтобы та не забыла помолиться в доме Божьем.

До церкви предстояло одолеть добрую милю по берегу реки, а потом был крутой подъем под жарким солнцем – дорога вела вдоль порогов. Но в спокойной воде Ханна нашла брод, а оттуда оставалось еще полчаса пути до крытого черепицей дома в конце тропинки. Дом Ханна отыскала легко – когда-то она была здесь с матерью и поклялась никому и никогда об этом не рассказывать. Сердце ее бешено колотилось от страха, но старик и его старуха смотрели на нее без всякого удивления. Они поняли: девочка хочет получить руническую молитву. Ханна не посмела говорить и только кивнула, с ужасом посмотрев на угол дома, где рунические колдуны, согласно обычаю, хранили отрезанные конечности мертвецов, и конечности эти по многу лет висели потом под балками потолка.

Но никаких человеческих конечностей Ханна не увидела. Нет, это лошадиное копыто, а уж оно-то ни в коем случае не могло ее смутить. Она уже не раз видела такие в углах домов, куда матери обычно не пускают детей.

Старуха положила руки сначала на лоб Ханне, потом на сердце. Одновременно она говорила с мужем на странном, незнакомом языке. Старик, кивая, выстругал небольшую палочку и принялся вырезать на ней руну за руну. Закончив работу, он многозначительно улыбнулся и сказал, что теперь она может отбросить прочь свой страх и стыд.

Ханна отдала старикам несколько скопленных ею мелких монет, сделала глубокий книксен и с облегчением пустилась в долгий путь до дома, пряча в лифе волшебную палочку. Вернувшись, она получила пощечину за долгое отсутствие и для того, чтобы впредь не вела себя так плохо. Как распутная

девка, сказала Ловиса. При этом она как-то странно прятала глаза.

Два дня спустя домой заявился Рикард, надутый как петух – в высоких сапогах и мундире с белыми пуговицами. Он важничал, посмеивался над родителями, удивляя их своим солдатским видом. Говорил он громко, даже не говорил, а вещал, что никогда не станет крестьянином и не будет влачить жизнь с какой-то там батрачкой. Ханна поняла, что у него нет ни малейшего намерения жениться на шлюхе.

Дрогнул он только один раз, когда в дверях кухни появился четырехлетний карапуз и засмеялся ему в лицо. Бравый солдат повернулся на каблуках и позорно ретировался.

Плач Ловисы перешел в громкие рыдания. Но ее муж посмотрел на ребенка и Ханну. Оба с трудом скрывали радость. Никто из них не произнес ни одного слова в утешение.

Ханна время от времени сжимала под блузкой палочку с рунами. Потом она несколько дней просыпалась по утрам со странным ощущением, будто кто-то нежно гладит ее по руке.

В середине лета в деревню приехал мужчина родом из Вермлана. Говорившие с ним люди рассказывали, что он мельник и хочет восстановить старую мельницу на Норвежских порогах. Молодые считали его стариком. Люди постарше говорили, что он в самом расцвете сил. Но все были едины в том, что он очень мало и неохотно рассказывал о своей жизни. Только старой Анне он поведал, что его жена и дети умерли и он не смог больше оставаться в Вермлане, не смог управляться с мельницей, где его нестерпимо мучило одиночество.

Он стал пить, чтобы отделаться от тяжелых воспоминаний. Об этом он тоже рассказал Анне.

Он ходил по домам, ища сочувствующих слушателей. Везде он убеждал крестьян, что они просто обязаны молоть зерно на мельнице у порогов, как делали встарь они сами, их отцы и деды. Но в конце концов он понял, что для того, чтобы снова запустить старую мельницу, ему придется здорово попотеть.

И он колебался. Люди здесь были скрытны, тяжелы на подъем и более скупы на слова, чем его прежние земляки. В домах было мало радости, а кофе, который предлагали ему хозяева, был жидковат и отдавал жженой рожью.

Он приехал сюда из местности более щедрой, более тучной и более разговорчивой. Из родных мест его выгнала зависть, заставлявшая смотреть, соизмерять и сравнивать. Но здешняя природа была скупа, и та же болезнь процветала и тут, да к тому же и пропитание в этих местах добывать было труднее, и тяжелое чувство зависти отравляло каждую встречу с людьми.

Да и с мельницей дела обстояли неблестяще – требовались невероятные усилия, чтобы привести ее в порядок. Парапеты вдоль порогов рассыпались, мостки сгнили, лестницы в самой мельнице были в плачевном состоянии. Однако дубовая сушилка сохранилась, так же как колесо и плотина у озера. Жернова были из лунгносского камня и выглядели как новенькие. Он прикинул высоту падения воды – футов тридцать и решил, что ее силы будет достаточно.

Сарай и коровник были в порядке, как и надежный, добротный жилой дом – с маленькими комнатками, но с большой кухней.

Таково было положение.

На своем веку ему пришлось побывать во многих уголках Финмаркена, видел он леса и живописные берега Кларэльва, но никогда не приходилось ему встречать такую дикую красоту. Он смотрел на отвесные стены достигавших неба гор, на соколиные гнезда в расселинах скал, наблюдал величественный полет этих птиц над крутыми обрывами. Он жадно слушал громовой шум порогов и тихий шелест темных северных озер, видел мягкие луга, на которых паслись овцы. Он нисколько себя не обманывал. Поля здесь были тощие, но леса абсолютно нетронутые и местами непроходимые. Они были такими же в доисторические времена, думалось ему.

Это было уже что-то.

Чуткий по своей природе человек, он умел слушать горы и озера, пороги и высокие клены. Лешие разговаривали с ним тихими, едва слышными голосами.

Среди новых его соседей был и кузнец, казавшийся отличным малым. Дружба с кузнецом – это первое дело для любого мельника.

Однако самая трудная проблема – это деньги. Он понимал, что ему придется продать старую мельницу в Вермлане. Эрик Эрикссон из Фрамгордена был, как и все крестьяне, изрядным скупердьяем, но скрепя сердце согласился помочь с ремонтом.

Единственным человеком в деревне, с которым Бруман мог вести душевные разговоры, была старая Анна, повитуха. Она, между прочим, варила лучший в округе кофе, и мельник все чаще и чаще наведывался в ее кухню. Именно Анна выразила словами то, о чем он уже давно думал, но не смел признаться даже самому себе.

Ему нужна женщина, работающая и терпеливая. В лесу тяжело жить одному.

После этих слов в кухне повисло долгое молчание. Он вдруг ощутил страшную усталость, мучившую его все последние годы. Он стар, слишком стар, чтобы начать жизнь сначала.

– Я уже не радуюсь жизни, – сказал Бруман.

– Ты же молодой мужчина, – возразила Анна.

– Мне уже за сорок.

– Это лучшие годы для мужчины.

– С женщинами мне не везет, – горестно произнес он.

Анна все обдумала к его следующему вечернему визиту. Она как будто невзначай завела разговор о Ханне, о несчастной девочке, которой так не повезло в жизни. Это был такой стыд. И все же эта девочка родила внука Эрикссоном из Фрамгордена. Мельника глубоко тронула история о страшном насилии, Анна прочитала это по его глазам и окончательно поняла, когда он произнес:

– Ей не позавидуешь.

Он выпил водки и домой шел не спеша, слегка пошатываясь в темноте. Он ни о чем не думал, но Анна видела его насквозь, угадывая его животные чувства.

Когда Йон Бруман добрался до своего заброшенного и пустого дома у мельницы, он словно в первый раз увидел его комнатки и кухню. И увиденное породило весьма практическую мысль: да, ему нужна хозяйка. Когда он улегся в кровать, эта мысль превратилась в неудержимое вожделение. В висках стучала кровь, член одеревенел. Господи, господи, как же давно у него не было женщины.

Он вспомнил Ингрид, и желание угасло, член опустился. Ничего хорошего не было у них в кровати. Да и вообще, как она выглядела? Он помнил только, что жена постоянно пилила его из-за денег, которых вечно не хватало, и ругала за то, что он пил водку по субботам.

Жену он помнил смутно, но Юханна, его дочка, которую воспаление легких убило в возрасте восьми лет, стояла перед ним как живая.

Как ему не хватало любимой малышки.

Он проснулся на следующее утро, и мысли его приняли окончательную форму. Девочка эта рано повзрослела. На нее можно надеяться. То, что у нее есть ребенок, – это хорошо. Он мечтал о малютке, но понимал, что своих детей у него уже никогда не будет. Да и вообще, не так уж это и глупо – девочка унаследует богатый хутор.

Не откладывая дела в долгий ящик, он отправился в Люккан.

* * *

Ханна, как обычно, проснулась с ощущением странного предчувствия и точно в экстазе обхватила руками палочку с рунами. Потом разбудила сына, спавшего в кухне, в кроватке с соломенным тюфячком.

– Рагнар, малютка, – позвала она.

Ей невероятно нравилось выбранное ею имя, так как у нее хватило сил его добиться, невзирая на сопротивление обеих семей – ни у кого из них в роду такого имени никогда не было. Но потом они подумали и решили, что незаконнорожденному нет нужды носить традиционное имя.

Но Ханна, называя сына, вспомнила мальчика, учившегося с ней в школе.

Теперь она понимала, что ее замысел удался. Сын был очень похож на того школьного друга – такой же солнечный мальчик, всегда общительный, веселый и дружелюбный. Вот и сейчас, на рассвете, только открыв глаза, он уже улыбался матери.

Она прибралась в кухне и приготовила завтрак. Свекор пришел, как только каша была готова, тяжело сел за стол и принялся за еду. Ханна стояла у него за спиной с тарелкой в руке и ела, как она привыкла когда-то, с сынишкой на руках – ложечку Рагнару, ложечку себе.

Они оба, она и Иоэль Эрикссон, любили эти утренние часы. Ловиса в утренней трапезе не участвовала – ей надо было прочесть столько молитв!

Через несколько часов пришел приезжий мельник. Девушка внимательно на него посмотрела и подумала, что он представительный, у него широкие плечи и коротко постриженная борода – как у знатного господина. А он, прищурившись, рассматривал Ханну. Господи, что он на нее так уставился?

Он и в самом деле смотрел на нее во все глаза. Да, она неброская, но очень внимательная. Из тех, кто смотрит и умеет видеть. Силы ей тоже не занимать, она смогла пережить и горе, и стыд.

Как же она молода, подумал Бруман, лет шестнадцать – немного больше, чем было бы Юханне, останься она в живых.

Он вдруг застыдился своего вечернего вождения и утренней практичности. И не успел оправиться от смущения, как в кухню ворвался ребенок, маленький мальчик с большими, исполненными любопытства глазами, в которых не были ни

тени робости или страха. Он посмотрел на мать и засмеялся. Это был искренний, радостный смех, такой необычный, даже вызывающий, в этом небогатом доме.

Мельник протянул мальчику руку и сказал:

- Ну здравствуй. Меня зовут Йон Бруман.

- Здравствуй, здравствуй, здравствуй, – пролепетал малыш и положил обе ладошки на руку мельника.

Впервые в жизни кто-то уважительно поздоровался с Рагнармом, и глаза Ханны сверкнули от счастья. Но тут в кухню, тяжело топая, вошел Иоэль Эрикссон и с порога сказал:

- Тебе давно пора. Мальчика возьми с собой.

Еще спустя секунду появилась Ловиса и принялась ворчливо ругать Ханну за то, что та забыла сварить кофе. Девушка торопливо исчезла за дверью. Йон Бруман проследил за ней взглядом, отметив, какая прямая у нее спина, спина, которую она привыкла гнуть в поле с ребенком на руках. Решение созрело мгновенно: он заберет их отсюда обоих – и ее, и мальчика.

По пути домой Йон зашел к Анне. Он был немногословен. «Делай что хочешь, старушка, но устрой так, чтобы я смог поговорить с девочкой».

Сказать это было легче, чем исполнить – с тех пор как Ханна стала в Люккане снохой, свободного времени у нее не было ни минуты. Но Анна нашла выход. Она пошла к Майе-Лизе, поговорила с ней, и та послала в Люккан одного из сыновей. Мальчишка должен был сказать, что Ханну ждут дома на праздник, погостить у родителей.

* * *

В субботу Бруман поднялся спозаранку и принялся за уборку дома. Мебели у него было мало – стол и скамья, – поэтому уборка не заняла много времени. Хоть и бедно, но зато чисто.

На плите стоял старый глиняный горшок. Йон хорошенько его вымыл и отправился в лес нарвать цветов. На дворе стоял конец августа, Йон миновал березовую рощу и нашел наконец то, что искал, – полянку с белыми и синими колокольчиками. Они уже, правда, начали вянуть, но Йон оборвал подсохшие листья и поникшие цветки.

В конечном итоге букетом он остался доволен.

Днем в субботу старая Анна взяла Ханну с собой в Бротен. Майе-Лизе Анна сказала, что они обе – она и Ханна – пойдут в лес. Анна хотела нарвать растений для приготовления лекарств. Майя-Лиза удивилась, но Ханна обрадовалась – она любила бродить по лесу.

Они подошли к дому у мельницы, где Ханну с нетерпением ждал Йон Бруман. Анна сказала, что ей надо поискать белену на северных холмах, и исчезла.

Йон показал Ханне свое жилище. Она нашла его просто величественным. Превосходный дом, с комнатами и кухней – с двумя окнами с видом на озеро, да еще ночная сторожка.

Йон говорил без умолку, но Ханна не столько вникала в смысл его слов, сколько вглядывалась в выражение лица. Ему нужна женщина в доме, и Ханна незаметно сжимала в руке амулет.

Когда же Йон заговорил о свадьбе, Ханна впервые по-настоящему изумилась.

– Но мальчик... – выдавила она из себя в конце концов.

Бруман поспешно кивнул: конечно же он подумал и об этом. Мальчика она возьмет с собой, и он, Йон Бруман, станет о нем заботиться. Они очень быстро договорились, что Йон примет на себя ответственность за ребенка.

Она не совсем его поняла, и он стал терпеливо ей объяснять, что ему надо поговорить с ее родителями, с пастором, а потом оформить все необходимые бумаги, чтобы его назначили опекуном Рагнара.

– Мы пока совсем мало друг друга знаем, – сказал он.

Тут Ханна улыбнулась в первый раз и сказала, что ей кажется, будто они уже лет десять знакомы.

- Жизнь наша будет нелегкой, - сказал он. - Придется много работать.

- К работе мне не привыкать, да и запросы у меня невелики.

Она явно испугалась, и Бруман поспешил исправить свою оплошность:

- Еды хватит и тебе, и малышу.

Ханна улыбнулась еще раз, вспомнив слышанную в детстве поговорку - в доме мельника никогда не бывает хлеба. Но улыбка быстро угасла, когда Ханна посмотрела на разбитые мостки и вспомнила, как погиб прежний мельник: он вышел на мостки, доска под ним подломилась, и он упал прямо в водопад.

Вскоре вернулась Анна и заговорила о том, что все дело надо сохранить в тайне. Ни одна душа не должна ничего знать до оглашения обручения в церкви. Сперва следует выправить все бумаги об опекунстве, и чтобы люкканские Эрикссоны не вступились за Рикарда и не сохранили его отцовства.

- Тебе надо как можно скорее переговорить с Августом, этот человек умеет молчать, - заключила Анна.

Ханна вернулась домой в сумерках с грызущим чувством, что на нее свалилось слишком многое. Она станет матерью и хозяйкой в таком же большом доме, как в Люккане. Мальчик обретет отца, как обещал Бруман. Конец стыду и позору, думала Ханна. Кончатся разговоры об ублюдке и потаскухе.

Но это слишком, сказала она себе. Счастье, свалившееся на нее, было избыточным, она не заслужила его. Но, подумав, Ханна сладко потянулась, тряхнула головой и подумала, что уже давно за него расплатилась.

- Это справедливо, - произнесла она вслух и подумала: «Никогда не верила, что Бог может быть таким справедливым».

Ей будет не хватать мебели, которой нет в доме мельника, полотенце и много другого, что имелось у нее здесь. К тому же она как-то не подумала о мужчине, с которым отныне будет делить жизнь и постель.

Придя в родительский дом забрать сына, она боялась, что не выдержит и все расскажет – удивительная тайна просто взорвет ее изнутри. Но нет, ей надо было спешить назад, в преисподнюю люкканской усадьбы.

Ханне было легче скрывать свою радость, пока она застилала тюфячок, укладывала и баюкала сыночка, отодвинув на задворки сознания чувство торжества.

«Черт, – шептала она в исступлении, – черт, как же это будет здорово, когда я смогу рассмеяться в лицо всем этим чванливым свиньям и сказать им все, что о них думаю».

Потом она испугалась и принялась просить милосердного Бога, чтобы простил ей эти злые мысли.

Засыпая, она думала о букетике цветов. Она никогда не видела мужчин, да, впрочем, никогда и не слышала о таких мужчинах, которые собирают в лесу цветы и ставят их в горшок. Это странно, но очень нежно – это она поняла. Хватит и того, что она увидела цветы на столе Йона Брумана – по крайней мере летом.

Ночью ей снились пеларгонии, цветы в горшках. Она видела такие цветы один раз в жизни – на окне пасторского дома.

Несколько дней спустя по округе разнесся слух о том, что мельник уехал домой, в Вермлан, решив не восстанавливать старую мельницу на Норвежских порогах.

Это ложь, подумала Ханна.

Но прошла неделя, а от Йона Брумана не было вестей. Впервые в жизни Ханна впала в отчаяние. Это было тяжелее всякого стыда, и она поняла, что именно

надежда делает человека уязвимым. Нельзя надеяться и верить в божественную справедливость.

– Вставай скорее! – прикрикнула на нее Ловиса. – Что сидишь как привидение? Если заболела, то отправляйся домой к матери.

Но Ханна не могла уйти в темноту с ребенком. Осень в этом году пришла рано, сильный ветер срывал сухие листья с ветвей, и сейчас, в раннее воскресное утро, они хрустели под ногами, пока Ханна шла к коровнику на дойку. Там, в темноте, ее ждал Август.

– Святой отец, – удивленно произнесла Ханна, – что вы здесь делаете в такую рань?

Пастор прижал палец к губам и указал рукой на дом.

– Они спят, – прошептала Ханна.

Тут она узнала, что Йон Бруман побывал у пастора в понедельник, договорился о венчании и попросил пойти к Ханне с предложением. Помимо того, они поговорили о церковных документах на мальчика.

– Я позаботился о том, чтобы во время оглашения в церкви было сообщено и об опекунстве Брумана, – сказал Август с затаенным удовольствием.

Бруман уехал в Вермлан, чтобы перевезти оттуда мебель и другие пожитки в дом у мельницы на Норвежских порогах. Он вернется через несколько недель, и тогда состоится бракосочетание.

– Отчего же вы так долго не шли?

– У нас с матушкой не было ни единой свободной минутки. Надо было выкопать картошку до наступления холодов, а то нам не хватило бы ее и до Рождества.

Ханна согласно кивала, не в силах его упрекнуть. Она тяжело опустилась на скамеечку и продолжала кивать, а он стоял в дверях коровника и говорил, что ей пора приниматься за дойку. Она, плача, взялась за работу, и горячие соленые

слезы падали в теплое молоко.

Но прошедшая неделя многому ее научила. Нет, никогда и ни на что нельзя надеяться.

Возвращаясь домой в слабом свете всходившего солнца, Август думал о том, что забыл сказать Ханне самое главное: зимой и он, и его мальчики будут загружены работой – Бруман попросил их помочь с ремонтом мельницы.

Был у Августа и лесоматериал – отлично высушенные за трудные годы бревна. Он запасал их, когда ему пришлось до изнеможения трудиться, строя настоящие коровники.

Ханна, вернувшись в дом, занялась привычным делом. Когда завтрак был съеден, она спокойно сказала Иоэлю Эрикссону, что пойдет к родителям и возьмет с собой сына. Иоэль хмуро кивнул и сказал, чтобы она поторопилась и ушла до того, как проснется Ловиса.

– Смотри не опоздай к десятичасовой дойке, – добавил он.

Было очень холодно, когда Ханна по тропинке углубилась в лес. Но девушка не чувствовала пронизывающего ветра, ей было тепло от расправившего ее чувства благодарности.

Она впервые всерьез подумала о Брумане, о том, как ей вознаградить его. Она любит порядок, она сильная, она знает, что требуется от хозяйки дома. Деньги сами по себе никогда ее особенно не заботили, но считать их она сумеет, учитель хвалил ее за успехи в арифметике. Она поведет хозяйство так, что Бруман будет гордиться своим домом и своей женой.

Потом она вспомнила о мебели. Интересно, что за мебель привезет он из Вермлана? Наверное, красивую, намного красивее, чем в Люккане. Она одернула себя, вспомнив клятву не питать пустых надежд.

Мальчик замерз и начал капризничать. Ханна взяла его на руки и прикрыла своей шерстяной шалью. Тропинка между тем вывела ее из леса на поле Августа. Там уже работали, выкапывая картошку, но мать, тоже бывшая здесь,

оторвалась от работы и пошла навстречу дочери.

– Значит, освободилась, – сказала Майя-Лиза, и в ее голосе было больше теплоты, чем в словах. Ханна вгляделась в утомленное лицо матери и прочитала в ее глазах радость. И еще гордость. Это было так необычно, что Ханна на мгновение потеряла дар речи и смогла лишь выдать обычное «С добрым утром».

Они сварили кофе, сели за стол в кухне и стали пить кофе вприкуску, ощущая, как сладкие кусочки растворяются во рту от горячего напитка.

Потом мать произнесла:

– Надеюсь, ты не будешь спать вповалку с тремя или четырьмя детьми.

Ханна не дрогнула, только вздохнула глубже, чем обычно, но спина ее осталась прямой. Она подумала о том, о чем не смела говорить даже сама с собой. Йон Бруман будет делать с ней то же, что сделал Рикард, сын Иоэля. Будет делать каждую ночь, на той кровати в горнице.

Она едва не произнесла это вслух, но сдержалась и сказала только, что у них будет отдельная кровать.

Ханна поняла, что краснеет, в воздухе в этот момент носилось что-то пугающее. Это не было понимание, это не была мысль – Ханна просто чувствовала, что ей страшно.

Мать заметила этот страх и спокойно заговорила:

– Не надо так пугаться. Такова женская доля, к ней постепенно привыкаешь. Думай о том, что ты стала хозяйкой дома и что твой мужчина лучше всех остальных.

– Почему он хочет жениться именно на мне?

– Ты молодая, неприметная и работающая.

Ханна посмотрела на мать со страхом, смешанным с удивлением. Она никогда не говорила о Ханне ничего хорошего. Похвала опасна, она навлекает несчастья. Но Майя-Лиза продолжала:

- Надо сделать все, чтобы ты выглядела пристойно. Это все же свадьба... Я подумала, что можно перешить мое старое подвенечное платье. - Она неуверенно посмотрела на Ханну. Та молчала, и Майя-Лиза наконец произнесла:
- Не знаю, правда, что ему нравится, он выглядит как важный господин.

Она ждала, что скажет Ханна.

«Я должен уважать тебя и твою мать...»

Но это была лишь мимолетная мысль, в следующий момент Ханна вновь содрогнулась от ужаса при воспоминании о кровати в спальне.

- Мама, - сказала она, - ничего не выйдет. Я не смогу.

- Глупости, - отрезала Майя-Лиза, отбросив телячьи нежности. - Почему это ты не сможешь делать то, что делают все женщины? К этому привыкают, вот и я привыкла. Страшна не постель, страшны роды.

Ханна помнила свои роды. Они не были легкими, но и не имели таких страшных последствий, как ощущение неизбежности смерти после того, что сделал с ней на сеновале Черный Рикард.

- Надо закрыть глаза и расслабить тело, - сказала мать и покраснела. - В этом нет ничего стыдного, коли благословил пастор. А теперь пошли мерить платье.

Но из этого ничего не вышло - они тотчас убедились, что подвенечное платье Майи-Лизы, давно забытое и лежавшее в сундуке, завернутое в шелковистую бумагу, оказалось мало Ханне. Она была выше и шире Майи-Лизы в молодости.

- Я просто сгорю от стыда за такое платье.

- У нас никогда не было много денег, - сухо возразила Майя-Лиза.

Но Ханна ее уже не слушала. Она вообще словно одеревенела, ей было холодно в жарко натопленной кухне. По дороге в Люккан Ханна впервые задумалась о том, чтобы сбежать от всех, взять ребенка и присоединиться к нищим попрошайкам, которые, как она помнила, бродили по округе в неурожайные годы. Потом она посмотрела на сына, вспомнила те ходячие скелеты и поняла, что не сможет сделать этого.

Наверное, она и в самом деле привыкнет, как говорит мать: закрыть глаза и расслабить тело. Ложась спать в своем углу в кухне, Ханна попыталась думать о красивой мебели, которую Йон Бруман привезет из Вермлана. Но это было тяжело. Ханна несколько раз вставала, но в конце концов все же заснула.

Наутро самые худшие страхи рассеялись. Когда Ханна встала, разожгла огонь в плите и потащила в коровник с тяжелыми кадками, она пыталась представить себе, как – совершенно по-другому – будет себя чувствовать, растапливая собственную плиту и обихаживая собственных коров.

Она приступила к дойке. Упираясь лбом в бока больших животных, Ханна приняла окончательное решение: Йон Бруман не должен узнать о ее страхах, никогда. Она будет послушной и мягкой, как советовала ей мать.

Закончив доить, Ханна вышла из коровника. На улице шел снег, падал на землю крупными мокрыми хлопьями. Остановившись на пороге, она подумала, что сейчас только начало октября, а зима уже наступила, ранняя долгая зима. Снежинки будили чувство древней тоскливой обреченности.

Впереди нескончаемая, холодная, как железо, голодная зима. Но Ханна скоро уйдет к Йону Бруману.

К полудню снег перешел в дождь, а еще через несколько дней сквозь тучи проглянуло солнце. Зима резко отступила, осень зацвела яркой позолотой кленовых листьев, а старики заговорили о бабьем лете. Как и обычно, в эти осенние дни женщины потянулись в лес собирать бруснику. Пошла за брусникой и Ханна, откровенно сказав Ловисе, что хочет помочь матери нарвать ягод. Уходя, она слышала визгливые ругательства, которыми провожала ее Ловиса.

Ханна не выдержала, обернулась и рассмеялась Ловисе прямо в лицо.

* * *

В конце октября, к всеобщему удивлению, вернулся Йон Бруман. Вернулся он на тяжело нагруженной телеге. Вместе с ним из Вермлана приехал его двоюродный брат. Скоро по округе поползли слухи о том, что вдвоем они покрасили дом у мельницы изнутри и снаружи. Внутри белой краской, снаружи – красной. Неслыханная роскошь для этих краев, где так не красили даже пасторские дома, но сплетники утешались тем, что гордыня до добра не доведет.

Через два дня Бруман неожиданно появился в кухне люкканской усадьбы и сказал Эрикссонам, что они должны попрощаться с Ханной и ее сыном. От изумления Ловиса впервые в жизни потеряла дар речи. Но вместо нее в бой вступил Иоэль Эрикссон:

– Мальчик останется здесь – он наш внук.

– Это мой мальчик, – невозмутимо ответил Йон Бруман. – Вот документ.

Когда они шли со двора, Ханна плакала. Йон, несший мальчика, ничего не заметил, а Ханна скоро успокоилась. Она прежде никогда не слышала о слезах радости.

Они пошли прямо к пастору, который несколько не удивился их приходу, пожелал им счастья и пожал руки. Когда они пошли дальше, Ханна сказала:

– Кажется, он совсем не удивился.

– Он все знал, – ответил Йон. – Надо же выправить церковную метрику для мальчика. Ты сможешь дойти до Норвежских порогов?

Ханна от души рассмеялась. Они медленно дошли до опушки и углубились в лес. Они шли молча, думая о том, как много между ними невысказанного. Но им обоим было трудно подобрать слова для начала разговора. Ханна то и дело пыталась задать вертевший у нее на языке вопрос: «Почему вы выбрали меня?» Но слова застревали в горле.

Они остановились передохнуть у ручья близ Ульвиклиппа и напились воды. Отвесные горы, вздымавшиеся до неба, источали первобытный покой на иссиня-темный лес. Золотистые монетки березовых листьев вихрем кружились у крутых утесов, а в восходящих потоках неторопливо парили соколы.

– Какая здесь мирная тишина, – сказал Бруман, и Ханна улыбнулась. Она всегда улыбалась, если чего-то не понимала. Потом она отошла в сторонку, ополоснула в ручье лицо и руки и, вернувшись, молча уселась рядом с Бруманом.

Немного погодя он заговорил. Это был не очень складный рассказ о его прежней жизни, о жене, которая устраивала ему скандалы из-за водки.

– Ты должна знать, что по субботам я пью водку, – сказал он, но Ханну это не удивило и не напугало.

– Мой отец тоже пьет водку по субботам, и Иоэль Эрикссон.

Йон улыбнулся Ханне и стал рассказывать о дочке, которой он не успел вдоволь нарадоваться.

– Теряешь всякую радость, когда такое случается с ребенком.

– Чахотка?

– Да.

Он не смог не рассказать о тяжелых воспоминаниях о жене, которая вечно экономила на еде. Но Ханна, словно прочитав его мысли, сказала, что, как ей говорили, уносит детей не из-за еды, главное – это чистота, потому как зараза гнездится в грязи и затхлом воздухе.

Бруман согласно кивнул, вспомнив, какой неряхой была его жена. Потом он покраснел и сказал, что Ханна должна понять, как тяжело ему начинать все сначала.

– Иногда мне кажется, что я не смогу с этим справиться, – признался он.

Ханна опечалилась, но, сглотнув, взяла себя в руки и сказала:

– Мы вместе справимся.

Тогда Бруман сказал, что очень доволен своим новым положением и невероятно рад, что у него теперь такая молодая и красивая жена.

Вот тут-то Ханне стало немного не по себе.

Но все же это был один из самых счастливых дней в ее жизни. Свежевыкрашенный дом был красив, как домики на картинках в школьных учебниках. Ханна даже хлопнула в ладоши от восторга, увидев свое новое жилище.

Двоюродный брат из Вермлана привез на телеге скарб, но мебель стояла пока в коровнике. Пока мебель выносили из коровника, Ханна могла всю ее хорошенько рассмотреть. Потом она сможет сама решить, куда и что поставить. Те вещи, что ей не нравились, сразу уносили на чердак.

Она так и не смогла прийти в себя от удивления от внезапно свалившегося на нее счастья.

Она прошла в кухню и обнаружила там игрушки, привезенные Йоном из дома – маленькую деревянную лошадку, тележку и деревянный строительный конструктор.

– Это все твое, – сказал мальчику Бруман. – Будешь мирно сидеть возле мамочки и работать.

Рагнар, ошалевший от счастья, бросился к Ханне:

– Смотри, мама, смотри, что у меня теперь есть.

Ханна во второй раз за этот день пролила слезы радости.

– Побудь пока в кухне, сынок.

Когда Йон и Ханна вышли из дома, Бруман озабоченно произнес:

– Здесь так много опасных мест для ребенка.

Он заметил, что Ханна плачет, но она поспешно сказала:

– Я редко плачу. Только от радости.

Он неловко погладил ее по щеке.

Мебель оказалась потрясающе красивой! Такая мебель раньше не могла ей даже присниться. Тут были полированные шкафчики, а некоторые вещи были даже окантованы латунью. Здесь был диван с круглой спинкой и синей полосатой обивкой... Нет, это просто не может быть правдой!

– Шелк, – мечтательно произнесла она, погладив диван, осторожно, словно боясь, что от прикосновений ткань лопнет.

Но Йон явно не разделял ее радости:

– Он совсем износился, на нем нельзя уже ни лежать, ни сидеть. Придется его выбросить.

– Вы с ума сошли! – воскликнула Ханна, но осеклась и прижала ладонь к губам, чтобы удержать резкие слова. – Я хочу сказать, что никогда не видела такой красивой мебели, даже у пастора. Пусть диван стоит в зале.

Йон засмеялся:

– Ну я же сказал, что решать тебе.

Он все еще смеялся, когда они с братом принялись носить в жилой дом другие вещи – секретер, настенные полки, комод и стулья с такими же спинками, как у дивана.

– Смотри, тут уже для людей места не остается, – сказал он. К великому своему разочарованию, Ханне пришлось признать его правоту, и часть всей этой красоты отправилась на чердак.

Комод придвинули к стене в комнате, и Йон сказал:

– Кровать я не стал привозить, сделаем себе новую, но матрасы, покрывала и полотенца привез – они в сундуках.

Под конец принесли скамьи, раздвижной стол и раскладной диван в кухню. Ханна просмотрела все ткани в сундуке, их было много, но местами их прихватила сырость и появились пятна плесени. Ханна едва не расплакалась от отчаяния, но в конце концов решила отнести ткани матери – может быть, удастся их отстирать.

Потом она нашла ящик с фарфором. Он был так красив, что Ханна опять не смогла сдержать слез.

Йон припас хлеб и сыр, и они немного подкрепились, а потом, тяжело нагруженные, отправились к родителям Ханны. Йон тащил сундук с тканями, Ханна несла Рагнара, а тот – свои игрушки.

Целую неделю братья Ханны таскали через лес к Норвежским порогам сухую древесину, а Ханна с матерью стирали и полоскали покрывала, простыни, пододеяльники и полотенца. Слово куры к просу со всех сторон сбежались соседки, преисполненные любопытства и зависти. В четверг пришла старая повитуха Анна и сказала, что людям теперь целый год будет о чем поговорить. Она встретила с Бруманом, который пожаловался, что женщины осаждали и его мельницу. Майя-Лиза смеялась, широко раскрыв беззубый рот, а Ханна тихо ворчала, что все эти сплетницы способны на одно: радоваться чужому несчастью. Не дай бог показать им, что у тебя что-то есть.

Потом она насторожилась, когда Анна сказала:

– Старухи шепчутся, что здесь не обошлось без колдовства. Как иначе могла Ханна подцепить вермланца?

Они с Майей-Лизой посмеялись и над этим. Правда, женщины даже не заметили, что Ханна вдруг исчезла, выбежав из избы, и бросилась к забору, где судорожно обхватила рукой спрятанную под рубашкой палочку с рунами. Страшные мысли роились в ее голове. Неужели такое возможно, неужели руны и колдовство помогли ей найти мужа?

На следующий день она собиралась вернуться на мельницу готовиться к свадебному пиршеству, которое должно было состояться после венчания. Стоит ли рискнуть и рассказать Бруману о палочке?

В пятницу во второй половине дня Ханна пошла через лес к Норвежским порогам. Солнце упрямо продолжало немного греть и теперь, на исходе октября, но воздух был уже по-зимнему чистым и ломким как лед. Дышалось необычайно легко. Но погода Ханну не радовала, и виной тому была палочка с рунами. Да и мать напутствовала ее странными словами:

– Оставайся дома на ночь.

Потом мать хихикнула. Ханна не верила своим ушам, но в смехе этом прозвучали похоть и вожделение.

Она проходила мимо Ульвклиппа, когда вдруг поняла, что надо делать. Надо избавиться от проклятой палочки. Ханна вскарабкалась вверх по крутому склону, завернула палочку в дубовый лист, перевязала бечевкой и спрятала в одну из трещин.

– Ты свое дело сделала, – сказала она и на всякий случай добавила: – На этот раз. Если ты мне еще когда-нибудь понадобишься, я знаю, где тебя найти.

Она пошла дальше, поднялась на холм и достигла подъема, он был довольно крутой, но идти было нетяжело, так как отсюда удобная дорога вела прямо к мельнице. Вскоре до слуха Ханны донесся шум водопада.

На некоторое время Ханна задержалась здесь. Она долго стояла и слушала, прежде чем поняла, что в этом шуме присутствует еще какой-то звук, водопад почти заглушал его, но он все же был явственно различим – звучала скрипка! Ханна едва не окаменела от ужаса. Битый час просидела она на камне, скованная страхом. Это водяной! Это играет водяной, чтобы заманить к себе

Йона Брумана сквозь грохот водопада.

Она вскочила и, задыхаясь, прижав к груди сжатые в кулаки руки, бросилась к мельнице, которую Бруман поставил над порогами и над играющими на дьявольских скрипках водяными.

- Ты пришла, - сказал он, удивленно глядя на бегущую к нему девушку в развевающейся на ветру юбке.

Она остановилась перед ним, с трудом хватая ртом воздух.

- Ты чего-то испугалась?

- Я подумала, что в порогах живет водяной.

Он громко рассмеялся и обнял Ханну:

- Малышка, я не верю, что ты это серьезно. Ты же такая разумница.

Она смутилась и покраснела, услышав в его голосе насмешку.

- Эта музыка играет для гор и порогов, - сказал он. - Для лесов и озера. Понимаешь, она играет и для меня, она нравится мне, и я должен на нее отвечать. Но я не могу уловить мелодию. - Он помолчал и, подумав, добавил: - Верно уловить мелодию так же трудно, как запомнить сон.

«Он сумасшедший, - подумала Ханна. - Он сбежал из сумасшедшего дома в Вермлане. Господи, помоги и спаси. За что мне это?!»

Она опустила глаза и увидела стаканчик водки, приставленный к камню, на котором сидел Йон, и с облегчением убедилась, что стопка полна. Полная чаша к счастью - так всегда учила ее мать. Никогда не надо этому перечить. Бруман проследил за ее взглядом и вызывающе взял в руку кувшин с водкой.

- Тебе надо выпить глоток, чтобы успокоиться, - сказал он.

Он налил полчашки и протянул Ханне, потом взял свой стакан и поднес его ко рту.

- Ну, за наше здоровье, Ханна.

Она никогда прежде не пила водку, первый же глоток попал ей не в то горло. Ханна почувствовала, как горячее тепло разливается по всему телу. Потом она ощутила необыкновенную легкость, глупо захихикала, а потом засмеялась. Девушка хохотала, подняв голову к небу, и никак не могла остановиться. Да она и не хотела останавливаться. В первый раз в жизни Ханна была свободна, теперь у нее не было никаких забот. Как на небесах, подумала она. Не о чем тревожиться. Точно как говорил пастор. Заметив, что высокие деревья стали странно качаться, она спросила:

- Отчего это деревья не могут стоять спокойно?

- Они исполняют для тебя свадебный танец, - ответил Йон, и на этот раз Ханна не сочла его сумасшедшим. Когда он на руках отнес ее в комнату и раздел, она уже ощущала совершенную легкость во всем теле, и ничто не казалось ей ни опасным, ни стыдным. Ей понравилось, когда он стал ласкать ей грудь и гладить рукой между ног. Ничего страшного не случилось и тогда, когда он вошел в нее, ей было так хорошо, что она даже подумала, что все кончилось слишком быстро.

Потом Ханна, должно быть, заснула и проспала довольно долго. Когда же она проснулась, стояла глухая осенняя ночь - в окнах было темно.

- У тебя не болит голова?

Только теперь Ханна почувствовала, что у нее жжет в глазах, а стоило ими подвигать, как появлялась и головная боль. Такой боли она прежде никогда не испытывала. Она кивнула, и от этого движения в голове словно прокатился чугунный шар.

- Я сварю кофе, - сказал Йон, чтобы подбодрить Ханну, но ей в этот момент стало дурно, она выскочила из дома, и ее вырвало. Только после этого она вдруг поняла, что стоит на крыльце совершенно голая. Ее обжег стыд, и она, как смогла, прикрылась длинными волосами и стыдливо прокралась в кухню, где Йон зажег две лучинки.

– Как же ты красива! – воскликнул он ей вслед, когда она опрометью проскочила в комнату, где на полу валялись ее длинная юбка и новенькая блузка. Она испытала огромное облегчение, натянув на себя одежду. В ней девушка почувствовала себя в большей безопасности.

– Во всяком случае, я была права насчет водяного! – крикнула она из комнаты[1 - Игра слов. По-шведски «водяной» – nucken, «голый» – naken, fall – «случай» и «водопад».] – Вы ему точно родня.

– Ну, скажем, очень дальняя, – отшутился Йон и с удивлением подумал, что девочка не лишена чувства юмора и отнюдь не так застенчива, как ему показалось. Тогда он еще не знал, что сегодня видел ее голой в первый и последний раз.

Потом он учил ее варить кофе так, как ему нравилось. Надо было взять чистый котелок, наполнить свежей водой, поставить котелок на огонь и снять с огня за мгновение до закипания, а потом засыпать в воду кофе, который медленно опускался на дно.

– Господи, разве можно так расточительно расходовать этот божий дар, – сказала Ханна, но, попробовав напиток, решила, что лучше редко пить густой кофе, чем жидкий – часто.

– Куда ты?

– Боже, – простонала Ханна, – где короб с мукой? Мне же надо поставить тесто для пирога, если люди придут на кофе по случаю венчания.

Она запричитала, что слышит, как дождь стучит по пригорку, где стоит короб. Йон вышел и принес короб. Он был кожаный, и мука не промокла.

Ханна замесила тесто, добавила дрожжи, изюм, сахар, проворно взбила венчиком, накрыла полотенцем и поставила подходить. Йон с удовольствием смотрел, как ловко она работает и как уверенно чувствует себя на кухне.

– Кажется, мне несказанно повезло, – заметил он, но Ханна не вполне поняла, что он имел в виду. Она растопила плиту, чтобы была горячей утром, когда

придет время печь. Тесто было готово, сахара и кофе – в избытке, но из еды был лишь черствый хлеб и кусок сыра. Оба сильно проголодались.

– У вас есть молоко? Я могу сделать молочный суп из хлеба и сыра.

Да, молоко у него было, в погребе.

После еды они уснули, мирно лежа рядом друг с другом. Йон ее больше не трогал, и Ханна подумала, что он, наверное, не очень пылкий и трогать ее будет не слишком часто.

Утром он еще спал, когда Ханна встала и развела в плите сильный огонь. Она не смогла устоять перед искушением и сервировала стол тончайшим фарфором, радуясь, как удивятся все эти проклятые завистливые старухи, чтоб они лопнули. Проснулся Йон – он был не в настроении и встал с большой неохотой. Ханне и прежде часто приходилось видеть мучающихся с похмелья мужчин, и она, не говоря ни слова, сварила кофе, как учил ее Бруман. От приготовленного теста она оторвала кусок и испекла лепешку. Поев и выпив кофе, Йон сказал:

– На неделе я был на рынке и договорился о покупке коровы.

Ханна радостно сложила руки на груди, и Йон продолжил:

– И у меня есть для тебя свадебный подарок.

Это был шелковый головной платок, зеленый с розами.

– Я решил, что он отлично подойдет к твоим волосам.

Ханна подумала, что теперь сможет идти в церковь как все, а не как девка – в куцем платочке.

В глазах Ханны блеснули злые слезы, и Йон удивленно воззрился на невесту. Надо думать, он поспешил поверить в то, что Ханна всегда плачет только от радости, но никогда от горя или злости.

С утра они принялись за уборку – вычистили коровник, сарай и погреб. Ханна заметила, что Йон быстро устал. К полудню она растопила плиту и испекла пшеничный пирог.

Неестественно выпрямив спины, они сидели на церковной скамье, пока пастор произносил оглашение, и никогда – ни до того, ни после – не ощущала Ханна такой гордости, как в тот день. Как она и думала, гостей собралось много. Они во все глаза дивились дому, и Ханна сияла от счастья. Подарки были самыми что ни на есть обычными. Родители пришли с четырьмя мешками картошки, а старая повитуха Анна явилась с тремя несушками и одним петушком.

Приехал даже Иоэль Эрикссон и привез воз сена, а старый Эрик сказал, что сена полно и во Фрамгорне, и Ханна облегченно вздохнула – она уже волновалась, где взять корм для коровы, которую купит Йон.

Были, конечно, медные котлы и кофейники, а тетя Ингегерда подарила настенные часы. Родственники соревновались в щедрости, понимая, что замужество Ханны возвращает роду честь и достоинство.

Ханна угощала всех крепким кофе, а Йон – такой же крепкой водочкой. Веселье, сопровождаемое солеными шутками, продолжалось весь вечер. Ханна и раньше слышала эти шутки, но никогда их не понимала, но теперь от души смеялась вместе со всеми.

Три недели спустя Ханна и Йон венчались в пасторском доме. Сестра Ханны как раз рожала и не могла прийти. Но она прислала невесте платье, чем очень порадовала Майю-Лизу. Ей было бы неловко видеть дочку в своем старом подвенечном платье.

Из Вермлана приехала сестра Йона с мужем и дочерью. Ханна встревожилась, когда Йон получил письмо о приезде родственников.

– Что вы написали ей о мальчике, о Рагнаре?

– Я написал, как именно он тебе достался.

Этот ответ не утешил Ханну, и она успокоилась, только когда приехала Альма – удивительно честный и добрый человек.

– Он тугодум, мой братец, и всегда был таким.

Ханна округлила глаза. Никогда прежде она не слышала, чтобы так говорили о человеке, который стоит рядом и все слышит. Но Йон только кивнул и сказал, что Ханне очень полезно это знать.

– Так что не принимай на свой счет, если видишь, что у меня неважное настроение, – сказал он.

Но она не очень хорошо его поняла.

Свадебное платье долго провисело в зале как напоминание о торжестве.

Но большой радости Ханна не испытывала. Слишком много забот на нее свалилось. Главная неприятность – картофельное поле, его надо было перепахать до наступления морозов. Она могла сделать это сама, но у Брумана не было времени привести какого-нибудь конягу – муж все время был занят на ремонте мельницы. Можно взять на время быка у отца, думала Ханна, но потребуется несколько дней, чтобы вести через лес туда и обратно медлительное и упрямое животное. Надо было сделать запасы в погреб, надо заготовить сена на зиму.

Однажды вечером Йон наконец заметил ее озабоченность и спросил:

– Что тебя так тревожит?

Ханну словно прорвало: она заговорила о заброшенном поле, о сорняках, о том, сколько времени у нее займет перегон старого быка через лес. Бруман слушал ее и все больше убеждался в том, какое она, в сущности, еще дитя.

– Завтра я поговорю с твоим отцом, чтобы привел сюда своего одра, – сказал он, и Ханна прикрыла рот ладонью: какая же она дура, что сама не подумала об этом. – Вот с коровами дела обстоят хуже, – продолжал он. – Их надо забрать на рынке в Бёттельне в среду, но я не смогу туда пойти. Ты сможешь пойти одна?

– Конечно, смогу, – ответила Ханна. – Мальчика я оставлю у матери.

Так они и сделали. Ханна вышла из дома до рассвета, взяв с собой квитанцию на корову и кошелек с деньгами, который положила за пазуху. Провожая ее, Бруман сказал:

– Деньги тебе понадобятся, если не понравится корова. Придется доплатить за корову получше.

Ответственность за важное решение давила на плечи, и идти поначалу было тяжело, но, когда взошло солнце, уверенности прибавилось, и путь показался легче.

Она справится с этим поручением, какие могут быть сомнения!

Нигде Ханна не видела так много людей, как на рынках. Но она быстро отыскала Андерса Бьерума и убедилась, что Бруман купил молодую крепкую корову, да еще тельную. Значит, молоко будет у них всю зиму.

– Ты, конечно, возьмешь корову с телкой, – уверенно сказал торговец.

Искушение было очень велико, но ведь Бруман ничего не говорил о теленке. Телка была хороша, Ханна не могла отвести от нее глаз и думала: вот пройдет зима, корову можно будет отвести к быку, а теленка зарезать – будет им и мясо и молоко.

С двумя коровами у них всегда будет молоко – и для мальчика, и для Брумана.

Не успев додумать свою мысль, она спросила:

– Сколько они будут стоить обе?

Торговец назвал цену. Денег у Ханны было достаточно, но она принялась торговаться и сумела сбить цену на треть. Бьерум рассмеялся и сказал: «А тебя на мякине не проведешь, хоть и молода!»

Они ударили по рукам, и Ханна отправилась домой, ведя двух животных и опасаясь реакции мужа. Шла она долго, потому что теленок не мог быстро идти и уставал на подъемах. Только к полуночи Ханна добралась наконец до дома. Йон Бруман встретил ее, не скрывая облегчения.

– Я купила еще и телку, – сразу сказала Ханна, чтобы избавиться от страха.

– И правильно сделала, – похвалил ее Йон. – В хозяйстве ты смыслишь больше, чем я.

Ханна села на скамейку и только теперь почувствовала, как она устала. Она сидела все время, пока Йон загонял скотину в коровник и задавал ей сено и воду.

Ханна так устала, что, упав на кровать, мгновенно заснула, словно в колодец провалилась, и без сновидений проспала всю ночь.

– Видно, ты здорово устала, – сказал ей утром Бруман, и она кивнула, как обычно глядя куда-то поверх его головы.

– Главное не усталость, самое трудное было другое, – сказала она. – Все дело было в теленке, которого я купила за ваши деньги.

– Но ты же потратила их с пользой.

Ханна улыбнулась, глядя, как обычно, в какую-то точку за спиной Йона.

– Ханна, – сказал он, – смотри мне в лицо.

На мгновение их взгляды встретились. Ханна покраснела и встала:

– Мне надо подоить корову.

Йон Бруман еще в церкви обратил внимание на то, что Ханна никому не смотрит в глаза. Собственно, эта мысль пришла Брумани в голову в первую их встречу, но он тогда не придавал ей значения. Но потом убедился, что она всегда отводит взгляд, с кем бы ни говорила.

Прежде чем Ханна вернулась из коровника, пришел Август со своими сыновьями, и Бруман не смог продолжить начатый разговор. Но он о нем не забыл и за ужином снова задал свой вопрос:

- Почему ты не смотришь людям в глаза?

Ханна, вспыхнув до самой шеи, принялась мучительно подыскивать слова.

- Не знаю, - произнесла она наконец. - Я никогда об этом не думала. Наверное, потому, что я некрасивая.

- Но ты очень красивая!

Румянец, заливший щеки и шею Ханны, приобрел темно-вишневый оттенок. Она снова долго молчала, прежде чем заговорить:

- Это вы так думаете. Но вы вообще странно смотрите на многие вещи. Например, считаете красивым то, что другим кажется уродливым.

Теперь дар речи потерял Бруман.

Ханна ходила за своим телками как за малыми детьми и поддерживала в хлеву такую чистоту, что там можно было есть с пола. Корова откликнулась на кличку Лира, а телка оставалась безымянной до тех пор, пока Бруман однажды не предложил назвать ее Звездочкой. Это он хорошо придумал, подумала Ханна, нежно глядя на бурую телочку с белым пятнышком на лбу.

Когда ремонт мельницы был почти закончен, Бруман получил от сестры письмо, в котором она писала, что мать тяжело больна и хочет, чтобы он приехал. Йон решил взять с собой и Ханну, но она так униженно просила позволить ей остаться, что Йон в конце концов сдался.

Перед отъездом Йон был мрачен.

- Вы беспокоитесь за маму Эран? - спросила Ханна, когда они прощались.

– Да нет, не очень. Она и раньше много раз собиралась умирать, – немногословно ответил Бруман.

Чтобы скорее доехать, Бруман договорился, что его подбросит до Фредриксхалла один парень, которому надо было поехать туда на бойню. У границы округа Йон был очень рад, что остался один – ему было о чем подумать.

Он помнил, как старики говорили, что самое худшее в плохой жене – это то, что о ней все время думаешь. Так вышло, что он тоже ни на минуту не может выбросить из головы мысли о своей молодой жене. Но Ханна не была плохой женой, и, идя через лес к границе Вермлана, Йон понял, что может составить длинный список ее добродетелей. Она была уступчивой и немногословной, никогда не сплетничала, хорошо готовила, следила за чистотой в доме и в хлеву. Она никогда не жаловалась и ни в чем его не упрекала. Она была бережлива, не тратила деньги попусту, и мало того, что была красива, никогда не отказывала ему в постели.

Вспомнил он, как однажды, когда они легли в кровать, вдруг закричал мальчик. Ханна открыла глаза, и Йон прочел в них такой страх, что и сам не на шутку встревожился:

– Чего ты так испугалась?

– Мальчик сильно волнуется.

Она лгала, и это было необычно, так как лгала она редко.

Ему потребовалось довольно много времени, чтобы стряхнуть с себя воспоминание о том ее взгляде. Йон подавил в себе желание и не прикасался к жене целую неделю.

Она была полна загадок, и он должен их разгадать. Вот, например, загадка с Богом. Каждое воскресенье она неизменно проделывала долгий путь до церкви. Бывало, и он ходил вместе с ней, ему ведь тоже надо было подчас услышать слово Божье. Но церковная служба за то время, пока играл орган, иссушала его, давала почувствовать собственную пустоту. Ханна, неестественно выпрямив спину, сидела во время службы неподвижно, не глядя по сторонам. Йон был почти уверен, что она недовольна службой так же, как и он сам.

По дороге домой он однажды попытался начать разговор:

- Ты веришь в Бога?

- Верю, - удивленно ответила она. - Ведь он же есть.

Она сказала это так, как будто говорила о дороге, по которой в тот момент шла, но Йон не отставал:

- Но какой он, как ты думаешь?

- Самое страшное в нем - это то, что ему нет дела до тех, кто ему принадлежит. Он заставляет кланяться себе всех.

- Ты... хочешь сказать, что Бог жестокий? - спросил он, не вполне понимая, что это богохульство.

- Да, точно так и есть. Он жестокий, а еще он слепой и несправедливый. Ему нет никакого дела до нас. Но это пустой разговор.

- Ты говоришь о Боге как о судьбе, - сказал он.

Ханна наморщила лоб, подумала и решительно произнесла:

- Он и правда как судьба, его не минуешь.

Йон Бруман удивленно воззрился на жену и спросил, как бы отнесся пастор к ее мыслям, если бы узнал о них. Ханна в ответ рассмеялась:

- Этот пастор - пустозвон в сутане.

Идя по сырому осеннему лесу, Йон Бруман тоже рассмеялся, вспомнив тот разговор. Но смех получился невеселым - в вере жены было что-то пугающее, языческое, ведьмовское. Он отогнал эту страшную мысль. Никакая Ханна не ведьма - она просто искреннее, чем большинство других.

Не дойдя до родной деревни, он остановился передохнуть и поесть. Ханна потратила немислимые деньги на масло и мясо. Все было так вкусно, что Йон с удовольствием задержался бы в лесу с такой едой. Но надо было идти. Йон тяжело вздохнул, встал и двинулся дальше. Увидев дома, он вдруг понял, что так много думает о Ханне, потому что хочет отогнать мысли о матери. Некоторое время он постоял на опушке леса, пытаясь взглянуть на Бругорден глазами чужака, и решил, что усадьба выглядит красивее, чем есть на самом деле. Сбравшись с духом, он шагнул вперед и, захрустев гравием, направился к калитке.

Он побаивался зятя, который теперь управлялся с усадьбой, как побаивался когда-то родного отца. Старик умер пятнадцать лет назад, но мать продолжала командовать, лежа на своем одре болезни. Оба родителя были из того сорта людей, которым все по гроб жизни должны.

Зятя не было дома, но Агнес приняла его со своей обычной покорностью.

– Альма написала... – заговорил Йон.

– Я знаю, – перебила его Агнес. – Но ей не стало хуже. Сейчас она спит, так что ты успеешь умыться и выпить чашку кофе.

Под стоявшим во дворе рукойником он ополоснул лицо и руки, а потом выпил кофе, такой же пресный и безвкусный, как и Агнес. Покончив с кофе, Йон направился в комнату матери, но Агнес шепнула ему вслед:

– Не буди ее. Нам всем будет лучше, если она проспит всю ночь.

– Как поживает тетя Грета? – вполголоса поинтересовался Йон.

– Она живет с Альмой и пока в своем уме, – шепотом ответила Агнес.

Йон открыл дверь материнской комнаты, вошел и посмотрел на мать. Дышала она тяжело, казалось, была на волосок от смерти. Выглядела мать умиротворенно, и Йону мучительно захотелось почувствовать к ней хотя бы крупицу нежности и сострадания. Но горькое чувство пересилило, и он подумал, что Бог мог бы смилостивиться и дать ей умереть. Ему надо освободиться. Надо

получить наследство. «Господи, ты ведь знаешь, как нужны мне сейчас деньги».

Мысль эта лишь мелькнула в его мозгу. Мать проснулась, открыла глаза и посмотрела на своего единственного сына с таким упреком, что он поспешил отвести взгляд.

– Ну вот ты и пришел! – воскликнула она, набрав в легкие вполне достаточно воздуха. – Но ты явился один, без твоей новой жены, той девки из какого-то медвежьего угла в Дале. Видать, она не отважилась навестить свекровь.

Он не ответил, по опыту зная, что любой ответ лишь еще больше разозлит мать. Но на этот раз его молчание привело старуху в неистовство, и она раскричалась как сумасшедшая. На крик прибежала испуганная Агнес:

– Я же говорила, что не надо ее будить.

Он встал и вышел из комнаты. На пороге он обернулся и сказал:

– Ну тогда до свидания, мама.

Мать продолжала кричать ему вслед, что покойный отец был прав: Йон навлечет позор на их семью и дом.

Йон Бруман поспешно ретировался в кухню, вышел из дома, пересек двор и направился в дом Альмы. Наследство было пока не разделено, и в ожидании смерти матери Альма, ее муж и дети жили как бы на выселках – недалеко от опушки леса.

– Вид у тебя очень неважный, – сказала Альма, выходя ему навстречу. – Я понимаю, она совсем выжила из ума.

Они помолчали, как люди, смилившиеся с неизбежностью. Потом Альма наконец нарушила молчание:

– Ей стало хуже, и я решила тебе написать. Мне показалось, что она хочет примирения.

Ответить на это было нечего – Йон понимал, что отношение матери ничуть не изменилось.

Но тут Альма стала спрашивать о Ханне, о мальчике, о мельнице, и Йон смог на какое-то время отогнать от себя мрачные мысли, рассказывая о том, как они приводят в порядок мельницу, о том, какая прилежная умница Ханна и как он привязался к ее сыну.

Он спросил Альму о Грете, тетке по отцу, к которой за ее добрый и веселый нрав льнули в детстве все ее племянники, которым она неизменно рассказывала на ночь увлекательные сказки.

Старуха уже уснула, сказала Альма. Но, увидев, что по лицу брата скользнула тень, поспешила добавить:

– Иди, иди к ней. Она будет очень рада тебя видеть. Но буди ее осторожно, чтобы не напугать. Она спит в комнате, у печки, там теплее всего.

Они вдвоем прокрались в комнату, но предосторожность оказалась излишней. Грета не спала. Сидя в кровати, она сказала, что ей приснилось, будто Йон пришел ее навестить.

– Это не сон, – сказал Бруман и подошел к тетушке. Он взял ее руки в свои, искренне любясь беззубой улыбкой и тысячами мелких морщинок. Несмотря на это, она осталась прежней, и Бруман чувствовал, как ее внутренняя сила через ладони переходит к нему и разливается по всему телу. Они принялись вспоминать старые времена. Грета не стала расспрашивать о посещении Бругордена, она и так знала, что там происходит. Потом тетушке захотелось кофе, но Альма рассмеялась и сказала, что это безумие – пить кофе на ночь. Они удовлетворились ужином и улеглись спать. Вскоре в доме стало тихо.

К своему удивлению, Йон, которого положили на чердаке, уснул сразу, как только голова его коснулась подушки. Он как убитый проспал всю ночь, а проснувшись поутру, уже не думал о матери. Домой через лес он шел с тяжелой поклажей – новенькой керосиновой лампой и старым зеркалом в золоченой рамке, добросовестно вычищенной Альмой.

– Это свадебный подарок Ханне, – сказала на прощание Альма, и Йон подумал, что этот подарок, пожалуй, обрадует его женушку. Но больше его занимали совсем другие мысли. Он думал о соглашении с мужем Альмы, которого придется напугать ленсманом, чтобы не потерять свою часть наследства. В следующий раз он приедет домой на конной повозке.

Возвращаясь, он присел отдохнуть у дороги, вившейся вдоль озера и поднимающейся по горе к небу. Тропинка шла вдоль крутых склонов, с возвышенности Йон любовался видами края, ставшего отныне его родным домом. Это была горная долина, на дне которой расположилось длинное озеро. Между горами и озером было мало пахотной земли – лишь узкие полосы берегов. Отсюда была видна едва ли десятая часть сотен озер, в сверкающих зеркалах которых отражались села и густые леса. Эта земля предназначалась не для крестьян, а для диких зверей и отважных охотников. Но упрямые крестьяне крепко держались за свои скудные поля, строили церкви, школы и рожали детей. Слишком много детей.

– Трудно здесь было всегда, но настоящая нужда пришла, когда люди стали размножаться как кролики, – сказал однажды Август.

Все время, пока шел, Йон видел летевшие по небу с юга тучи. Теперь они скопились на горизонте, там, где был его дом и где его ждала жена.

Он поднялся, вскинул на плечи поклажу и двинулся дальше под дождем. Он успел промокнуть до нитки, прежде чем тучи рассеялись и в предвечерние часы снова выглянуло солнце, высушившее лес и дорогу, людей и животных. Йон Бруман несколько этому не удивился, он уже привык к тому, что погода здесь так же переменчива, как и ландшафт.

До дома Бруман добрался лишь поздно вечером. Однако в кухне горела лучина, а Ханна гладила белье. Она боится оставаться одна, подумалось Йону, и он крикнул, прежде чем постучать в дверь:

– Ханна, вот и я!

Она бросилась к мужу, и в темноте он заметил, как она досадливо вытирает слезы тыльной стороной ладони.

- Господи, как я рада, - сказала она.

- Тебе было страшно?

- Да нет, на чердаке спит мой брат.

Только теперь он вспомнил, что они с Августом договорились, чтобы Рудольф ночевал в сарае, когда Ханна остается одна. В тот же миг он почувствовал, что его оставили все тяжелые мысли. Во всяком случае, на этот раз.

- Так вот ты стоишь тут и гладишь в темноте?

- Но в этот час всегда темно.

Они едва прикоснулись друг к другу, но радость встречи уже осветила кухню. Тут Бруман вспомнил о керосиновой лампе и укоризненно произнес:

- Убери эту щепку и садись за стол, Ханна.

Он не смотрел на жену, когда ставил на стол лампу и заправлял ее керосином. Но, запалив фитиль, он уже не отводил от Ханны взгляда. Они стояли, залитые ярким светом, и Йон с наслаждением упивался удивлением и почти необъяснимой радостью жены. Помолчав, она прошептала:

- У нас сейчас светло как летом.

Было так светло, что проснулся Рагнар. Мальчик сел, протер глаза и удивленно спросил:

- Уже утро?

В этот миг он увидел Йона и бросился на шею отчиму. Мальчик тискал Брумана так, как тот сам хотел бы потискать свою жену, но не осмеливался.

Лишь на следующее утро Йон Бруман вспомнил о зеркале:

– Я принес подарок от Альмы.

Это красивое зеркало он повесил на стене в зале. Ханна стояла рядом, восхищенно качая головой, долго гладила рукой золоченую раму, но так и не отважилась взглянуть на свое отражение.

– Да посмотришь же в зеркало, погляди, какая ты красивая, – не выдержав, проговорил Йон.

Ханна повиновалась, посмотрела на себя в зеркало, вспыхнула до корней волос, закрыла лицо руками и выбежала из комнаты.

подавая мужу утренний кофе, она спросила:

– Как чувствует себя мама Эран?

– Как обычно, – ответил Йон, и это все, что было сказано о визите в Вермлан.

Спустя неделю заработала мельница, шум водопада стал тише. Деревянное колесо служило теперь как бы шлюзом плотины. Бруман был невероятно доволен и очень радовался, что у него остались деньги расплатиться с Августом и его сыновьями за выполненную работу.

Правда, Ханне он сказал, что это были последние деньги в их кошельке. Но Ханна ответила так, как он и ожидал:

– Ничего, мы это переживем.

Она была твердо уверена в своем богатстве. У нее есть крупа, погреб ломится от картошки и брюквы, варенья из брусники и морошки. Куры исправно неслись, а двоюродная сестра подарила ей свинью. В чулане стояло масло, а на чердаке каждую неделю исправно булькал самогонный аппарат. Муки у них всегда будет в избытке – не может же не быть хлеба в доме мельника!

Была еще и рыба. Йон Бруман был великий искусник, и многие его навыки удивляли людей долины. Вся округа говорила о его невероятном умении ловить

рыбу в озерах. Мало у кого в деревне были лодки, и даже за голодные годы они так и не привыкли есть рыбу. Вскоре по приезде Бруман раздобыл где-то плоскодонку и с тех пор каждый вечер ставил в озере вентерь.

Из рыбных блюд Ханна за всю свою короткую жизнь ела только селедку, поэтому у нее вначале были трудности с щуками, окунями и сигами. Но она поверила Йону, убеждавшему ее, что озерная рыба – очень полезная еда, и скоро привыкла и готовить, и есть рыбу.

Каждый день Ханны был с утра до вечера заполнен работой. Раньше она не знала, что крестьяне, ожидая конца помола, охотно пьют кофе, да и от хлеба или булочки не отказываются.

– Это прямо какая-то гостиница, – говорила Ханна матери. Но она радовалась людям, с которыми было так приятно поговорить, пошутить и посмеяться.

Наступила зима, выпал снег, и на мельницу зачастили другие гости. Как обычно, зимой к домам потянулись нищие. Они стояли у дверей кухни и молча смотрели в окно почерневшими от напряжения глазами. Особенно тяжело было смотреть на детей. Сердце Ханны не выдерживало. Она пекла и давала нищим хлеб и снова пекла.

– Я не виновата, они сами идут, – говорила она Йону, который в ответ молчал и понимающе кивал. Но чем больше Ханна пекла, тем дальше распространялась молва, и поток нищих не скудел, а, наоборот, нарастал день ото дня.

– Тебе же очень тяжело, – говорил Йон, видя, как жена каждый вечер оттирает пол, стол и скамьи на кухне. Ханна не только боялась блох и вшей, она искренне верила, что в грязи, оставленной нищими, гнездятся страшные болезни. Бруман посмеивался, но ничего не говорил, понимая, что не сможет одолеть эти ее суеверия.

Самым трудным для Ханны в ту первую зиму, которую она прожила с Бруманом как жена мельника, было видеть, как тяжело он работает и как сильно устает. От усталости и мучной пыли он стал кашлять, так часто и сильно, что порой своим кашлем будил ее по ночам.

– Эта работа замучает вас до смерти, – сказала как-то Ханна мужу.

Самое ужасное – это тяжелые мешки, которые приходилось таскать на верхний этаж мельницы. Она стала помогать Йону и носить мешки. Бруман страшно смутился и сказал: «Чем больше ты мне помогаешь, тем хуже я себя чувствую». Тогда Ханна переговорила с матерью, и они вдвоем составили удачный план. На мельнице будет работать младший брат Ханны, который дома теперь был не нужен. Для своих четырнадцати лет это был здоровый, не по годам сильный парень. Расплачиваться с ним можно было мукой.

Ханне пришлось учиться женским хитростям. Как-то раз она как бы невзначай рассказала Йону, что родители страшно беспокоятся за Адольфа, который стал пропадать по ночам и, вообще, бьет баклуши. Одновременно Майя-Лиза – так же невзначай – намекнула Августу, что им не хватит муки на зиму.

– Это будет неплохой повод, – сказала мать.

Августу идея понравилась, и он отправился к Бруману спросить, не разрешит ли он поработать у него Адольфу. Расплатиться с ним можно мукой – по договору. Спать в кухне, как батраку, ему не обязательно, так как Ханна хорошо устроит его и на чердаке.

Работы у Брумана теперь поубавилось, но нехороший кашель продолжал донимать его, что немало тревожило Ханну.

Были заботы и с мукой. Крестьяне расплачивались с Бруманом по старинке – по два ведра муки с бочки зерна. Но потом муку приходилось везти за тридевять земель, до границы округа в ближайший населенный пункт, и там менять на кофе, соль и сахар, а также и продавать за деньги. Когда озеро замерзло, Ханна вызвалась возить в лавку Альвара Альварссона тяжелые сани. Обрато она возвращалась с необходимыми товарами и наличными деньгами.

Бруман стыдился этого – таскать тяжелые сани было трудно женщине, пусть даже такой молодой и сильной. Но он был рад, что мог теперь платить ее брату риксдалер в месяц, да еще давать муку по уговору. Каждый день Бруман ждал вестей из Вермлана относительно лошади, но писем пока не было, а Ханна даже считала, что это неплохо. Не хватало им зимой еще возиться с лошадьо.

После рождественской заутрени они отправились завтракать к Майе-Лизе и Августу. Ели праздничную жареную свинину и кашу. Кофе варила Ханна, потому что Майя-Лиза задержалась на час, чтобы возложить веночки на могилы детей. Йон Бруман пошел с ней, и, может быть, такое проявление дружеских чувств заставило ее впервые заговорить о своих дорогих покойниках. Когда они возвращались домой – а путь был неблизкий, – Майя-Лиза сказала:

– Это так тяжело, ведь я их очень любила. Намного больше тех, которых родила потом и смогла сохранить. Андерс и Юхан были погодки, можно сказать – близнецы. Они были такие веселые, такие живые. А Элин умерла очень маленькой, я даже не успела ее как следует узнать. Зачем было рождаться, чтобы умереть в колыбельке?

Она плакала, вытирая слезы красивым передником. Бруман ласково погладил ее по спине.

– Хуже всего было с Марией. Как я ее упустила? Какая она была умничка, какая красивая и внутренне, и внешне. – Она высморкалась в кулак и стряхнула сопли в снег. – Я никогда никому не говорила, но теперь это просто само лезет из меня. Когда через год после Ханны родилась Астрид, она... Ну, мне показалось, что вернулась Мария. Это, конечно, полная глупость. Но я верю – они так похожи, и обликом и поведением.

Они добрались наконец до дома, и Майя-Лиза пошла к рукомойнику умыться, а Бруман сел за праздничный стол в тепле дома. Йону надо было выпить, и Ханна, не говоря ни слова, налила ему полный бокал водки.

Однажды в субботу, ранней весной, когда снег уже тает, но по ночам держатся морозы, Йон Бруман, придя домой, сказал жене, что Рикарда, сына Иоэля, случайно застрелили во время охоты на медведя в Трэсиле.

– Так что теперь отец Рагнара мертв, – сказал Йон.

Ханна побелела как полотно и оцепенела.

– Это правда или только слухи? – прошептала она.

– Правда. С фьордов в Люккан пришел человек и рассказал об этом старикам. Это тяжелая для них новость.

Кровь бросилась Ханне в лицо. Все тело ее сотрясала теперь крупная дрожь. Из горла вырвался неистовый крик:

– Так им и надо, проклятые сволочи!

Бруман изумленно воззрился на жену, которую вместе со стыдом покинули рассудок и обычная сдержанность. Она выскочила из дома и принялась метаться по двору. Дикие вопли перемежались с сумасшедшим хохотом. Из уст Ханны одно за другим сыпались проклятия. Бруман никогда не думал, что она вообще знает такие слова.

– Он в аду, в аду! Эта чертова Ловиса получила что заслужила – Бог пометил шельму. Так тебе, так тебе, дорогая тетушка! – Она снова расхохоталась – так громко, что спугнула сидевших на дереве птиц. – Рагнар, Рагнар, мальчик мой, где ты? Ты свободен, ты наконец свободен от зла.

До смерти напуганный Йон бросился к жене, которая побежала вниз, к озеру, крича:

– Я свободна! Рагнар, мы освободились от этого ужаса. Теперь отец твой горит в геенне огненной.

Повернувшись, она кинулась к дому, но поскользнулась на пригорке и беспомощно упала на спину. Юбка задралась на голову, обнажив все ее прелести, но Ханна этого не замечала, стыдливость покинула ее. Она сорвала юбку с головы, но лишь для того, чтобы протянуть к небу сжатые кулаки.

– Я никогда тебя не прощу, проклятый Бог, если ты простишь его. Ты слышишь меня, ты слышишь?

Она вдруг притихла, оправила одежду, легла на бок и, свернувшись, как младенец, калачиком, горько расплакалась. Бруман подошел к ней, присел рядом и принялся гладить ее по голове, а она, шмыгая носом, шептала:

- Ты же знаешь, я плачу только от радости.

- Еще бы, конечно, знаю, - сказал Бруман. Он долго молчал, потом снова заговорил: - Я не знал, что тебе было так тяжело.

Слезы мгновенно высохли, и Ханна произнесла звонким, уверенным голосом:

- Вы, Йон Бруман - добрый человек, и вы один можете понять любого.

Он долго молчал, прежде чем ответить.

- Ты ошибаешься. Я очень радовался, когда умер мой отец.

Слезы Ханны окончательно высохли. Она села, вытерла лицо и удивленно посмотрела на мужа:

- Так, значит, мы похожи - вы и я. Ну, во всяком случае, хоть немного.

Она впервые за все время их супружества смотрела ему прямо в глаза - и не отвела взгляда до тех пор, пока он не ответил: «Да, вероятно, что так».

Только теперь он заметил, как она замерзла, и сказал: «Пошли скорее в тепло, пока ты не простудилась». Она послушно встала, а придя на кухню, первым делом вымыла руки и лицо. Потом она подошла к зеркалу в зале и долго стояла перед ним, рассматривая свое отражение.

- Вот теперь я похожа на довольного жизнью человека, - сказала она после долгого молчания. Она вдруг спохватилась и покраснела от стыда. - Где мальчик?

- У кузнеца, играет.

- Это неплохо.

- Да, это хорошо.

– Я вела себя как помешанная. – Голос ее дрогнул.

– Хорошо, что ты от всего этого избавилась.

К его удивлению, жена поняла, что он сказал, и согласилась:

– Все равно это было лишнее. Вы просто не говорите...

– А вот это уже глупо, – сказал он.

В следующую секунду в дом влетел мальчик и закричал, что кузнец сказал, будто Рикарда из Люккана застрелили в лесу.

– Это не так, – решительно возразил Йон Бруман. – Все получилось случайно. Просто тот, кто стрелял, принял Рикарда за медведя.

– Тот человек просто ошибся?

– Да, такая вот ошибка, несчастный случай.

– Я понял, – тихо сказал Рагнар.

Однако стоило Йону сказать, что он собирается на озеро проверить вентери, как мальчик снова оживился:

– Мама, можно я покатаюсь на лодке?

– Можно, – ответил за Ханну Бруман. – У мамы нет времени грести за меня, пока я проверяю сеть, так что это будешь делать ты, а мама пока приготовит ужин.

В лодке мальчик снова помрачнел, собрался с духом и после долгих колебаний спросил:

– Он был мой отец, да?

– Да, – ответил Бруман. – Он был твоим отцом.

В тот вечер Ханна впервые со страстью отдалась мужу в постели. Потом Ханна уснула, а Йон долго ворочался без сна, испытывая неясный страх перед женой. Он был напуган больше, чем смел признаться самому себе. Он был уверен, что она ненормальная, хотя то, что она делала, выглядело абсолютно нормальным. Правда, Йон вспомнил, какую радость испытал сам, когда узнал, что старик Бруман провалился под лед. Удивительно было, что Йон неудержимо рыдал на похоронах.

Неужели он, как и Ханна, плачет от радости?

Наутро, разжигая в печи огонь, Ханна ощутила внутри какую-то пустоту. «У меня будет ребенок», – подумала она.

С того дня воздух на мельнице словно стал чище. В четверг пришли родители Ханны, потрясенные страшной новостью: Иоэль задушил свою жену, а потом пошел в хлев и застрелился. Ханна сумела сдержать свои чувства, но очень выразительно долгим взглядом посмотрела в глаза Бруману.

Он не отвел взгляда, но испытывал при этом странное чувство вины.

* * *

В пятницу они вспахали картофельное поле. Ханна копала, а Йон, испытывая неудобство от того, что ему приходится идти вслед за женой, делал борозды. Каким-то образом надо раздобыть лошадь, думал он.

Сразу после Рождества он получил письмо от Альмы. Попытка с помощью судьи решить вопрос наследства ни к чему не привела – мать просто не стала разговаривать на эту тему.

«Она хочет всех нас пережить», – писала Альма, и Йон подумал, что, наверное, так и случится. Лошадь точно успеет издохнуть до того, как мать наконец сдастся.

В письме сестры не было ни единого упрека, но Йон читал их между строк. Если бы он остался дома, то, как единственный сын, мог претендовать на долю усадьбы, хотя Альма и ее семья получили бы большую и лучшую часть. Но он еще в ранней юности покинул отчий дом и стал учеником мельника в соседней деревне, а потом женился и жил с женой, пока не случилось несчастье.

Несмотря на то что в тех краях не уважали самоубийц, на похороны Иоэля Эрикссона пришло довольно много народа. Все должно быть сделано как положено. Мужа похоронили рядом с женой и сыном, простреленное на охоте тело которого привезли из Трэсиля. Эрик Эрикссон стоял у могилы прямой как палка, а когда траурный кофе был выпит и гости разошлись, он поделился своими планами. Август получит Люккан, а его старшему сыну перейдет Бротен. Однако впервые в жизни старому крестьянину осмелились перечить. Август сказал, что ему не нужен Люккан, он хочет сохранить за собой Бротен, а что касается сына, то он решил уехать в Америку.

Потом все единодушно решили, что никто не хочет жить в Люккане, где вечно будут бродить души Иоэля и Ловисы, не говоря уже о несчастном Рикарде. Эти разговоры до смерти напугали Ханну, которая целый день крепко держалась за руку Йона Брумана.

Эрик Эрикссон, не привыкший к подобной строптивости, внезапно ссутулился, сидя во главе стола в Бротене. Плечи его обвисли, и все вдруг увидели, как он стар и как тяжело переносит он свое несчастье. Как обычно, самые разумные слова были сказаны Ингегердой. Она предложила оставить усадьбу как есть, а потом, когда наступит черед Августа, пусть он и решает, как ее делить и кому оставить.

– Пока можешь упрямитесь сколько твоей душе угодно и жить в Бротене, – сказала она зятю. – Это твое дело.

Август изо всех сил старался не показать, насколько был доволен таким решением. Именно на него он втайне и рассчитывал. Ханна круглыми глазами смотрела на тетю Ингегерду и, как много раз до этого, думала, какая же стройная и красивая старшая дочь Эрика Эрикссона. Ей было пятьдесят, она была на семь лет старше Майи-Лизы, но выглядела моложе.

О дочках в этих краях было принято отзываться с пренебрежением, но что касалось Ингегерды из Фрамгордена, то люди прикусывали языки. Говорили, что Эрик Эрикссон никогда не принимал важных решений, не посоветовавшись со своей старшей дочерью.

Таковыми могут быть женщины, которым удается избежать лоханей и сопливых детишек, подумалось Ханне. Потом она устыдилась своих мыслей, ибо понимала, что женщина должна склониться перед неизбежным – должен же кто-то рожать детей.

Позже Эрик Эрикссон и его дочь уехали домой в коляске, которой правил Август, а его сыновья и Йон Бруман остались и налегли на водку. Напились они так, что о возвращении домой не могло быть и речи. Вместе с матерью они затащили пьяных мужиков на чердак, положили на пол и укрыли одеялами. Потом спустились в кухню, привести ее в порядок после похорон и пьянки. Говорили они об Ингегерде, которая смолоду отличалась красотой и умом.

– Сватались к ней очень многие, – принялась рассказывать Майя-Лиза. – Приходили очень достойные люди, но она лишь смеялась над ними. Отцу же только того и надо было – он не хотел с ней расставаться. Бедняга Иоэль то и дело слышал, что он уродился бабой, а настоящей наследницей рода Эрикссонов является Ингегерда, и что самое главное его несчастье в том, что она уродилась девочкой.

Рассказывая, Майя-Лиза все больше хмурилась, и Ханна понимала, что она жалеет Иоэля, сострадает его несчастной судьбе. Но мать вдруг закричала, что никогда не простит брату то, что он обесчестил их семью убийством и самоубийством.

В рощице выше дома – почти у самого берега Норвежских озер – росли пять кленов. Когда весной они зацветали, их медовый аромат разливался по всей округе, и Ханна говорила: «Это большой грех, что никто не может взять у деревьев их сладкий сок». Но Бруман, глядя на осыпавшиеся в темную воду светло-зеленые поздние цветы, только посмеивался над женой, не понимая, что ей и в самом деле плохо.

– Вы должны помочь мне перетащить красивый диван на чердак, – сказала она. – Мне нужно место в пристройке, чтобы ткать.

Йону пришлось по вкусу эта мысль. «Ты же знаешь, как мне нравится этот диван».

Она недовольно огрызнулась, сказав, что диван они перенесут только потому, что ей надо ткать, а потом поставят диван на прежнее место.

– Ну, знаешь, – сказал он, – там и так есть на чем сидеть.

Ханна вдруг разозлилась, вспыхнула и закричала, что в мире есть и более важные вещи, чем просто сидеть. Йон изумленно воззрился на жену:

– Ты ведешь себя как десятилетнее дитя.

– Это у меня будет ребенок! – крикнула она и тут же прижала ладонь к губам, подумав, как это похоже на нее. Она уже несколько недель мучительно думала, как сказать мужу о беременности и какие слова для этого подобрать.

Она испуганно смотрела на Йона, ожидая, что он сейчас рассердится, но он обнял ее за плечи и, помолчав, сказал:

– Так это же хорошо, нам осталось только немного подождать.

Она работала не покладая рук, чтобы запасти картошку и прочее до ноября, когда должен был родиться младенец. Приближавшиеся роды пугали Брумана почти до безумия. Страх не стал меньше, когда в кухню, чтобы выпить чашку кофе, вышла старая повитуха Анна и сказала, что ребеночек уже начал выходить. Теперь надо только немного подождать.

– Ты уходи, Бруман, – сказала повитуха, и он вышел из дома, думая о том, что Рикард, сын Иоэля, очень вовремя умер. Он, как настоящий мужчина, знал, когда ему надо уйти. Йон поднялся на мельницу, улегся на полу, укрывшись пустыми мешками, и заснул.

На рассвете его разбудила Анна своим пронзительным криком: «Йон Бруман, теперь у тебя есть сын!»

– Как Ханна?

– Она спит. Она сильная, твоя женушка.

Йон почувствовал небывалое облегчение, и даже пронзительный голос Анны показался ему божественной музыкой. Он тщательно вымылся в кухне, надел чистую рубашку и только после этого отважился заглянуть в горницу. Его девочка была бледна, но спала спокойно и дышала ровно.

Ребенок лежал в колыбельке, поставленной в изножье кровати. Это был маленький уродец с болезненными красными пятнами на макушке. Бруман долго вглядывался в черты крошечного личика, думая, что с мальчиком ему придется трудно. Потом он услышал скрип приближавшейся телеги и поспешил на мельницу – начался рабочий день.

* * *

К вечеру явились Майя-Лиза и Август с Рагнаром, которого Йон отвел в Бротен, когда у жены начались схватки. Тестю с тещей он объяснил, что боится, что мальчик сильно испугается. Майя-Лиза взяла Рагнара, но затея Йона показалась ей странной. Дети должны видеть жизнь такой, какая она есть. Август согласился с женой, когда она ему это сказала. Он давно заметил, что мельник излишне балует мальчишку, и испытывал неловкость всякий раз, когда видел, как Бруман гладит Ханну по щеке.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Игра слов. По-шведски «водяной» – nucken, «голый» – naken, fall – «случай» и «водопад».

Купить: https://telnovel.me/ru/fredriksson_marian/anna-hanna-i-yuhanna

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)